КЪ ВОПРОСУ О СВОБОДѢ ВОЛИ.

П. Е. АСТАФЬЕВА.

(Изъ „Трудовъ Московскаго Психологическаго Общества“).

МОСКВА.
Типографія А. Гатцука, Никитскій бульв., собственный домъ.
1889.

00567
77
12

Академия наук СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
235
76

Дозволено цензурою. Москва, 18 октября, 1889 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Давно уже (еще въ 1874 году) начавъ работать надъ сложнымъ и труднымъ вопросомъ о свободѣ воли, я быть можетъ еще много лѣтъ откладывалъ бы изданіе въ свѣтъ результатовъ моей работы по этому предмету, еслибы не былъ подвинутъ къ тому характеромъ занятій Психологическаго Общества за послѣдній годъ. Цѣлый рядъ рефератовъ и засѣданій Общества за это время былъ посвященъ исключительно обсужденію вопроса о свободѣ воли и весь третій выпускъ „трудовъ“ Общества предназначался спеціально для статей объ этомъ предметѣ, представляющихъ взгляды на него съ различныхъ философскихъ точекъ зрѣнія. Изложить въ такомъ сборникѣ наряду съ другими, выработанный и мною взглядъ на глубоко и издавна интересующій меня предметъ—казалось мнѣ тѣмъ привлекательнѣе, что изложеніе этого взгляда болѣе, чѣмъ другія изданныя мною до сихъ поръ монографіи по разнымъ психологическимъ и философскимъ вопросамъ, выражаетъ самую сущность моего міровоззрѣнія въ его *цѣломъ*. Вотъ ближайшія причины появленія въ свѣтъ настоящаго очерка. Ограниченные размѣры мѣста, которымъ я могъ располагать въ Сборникѣ, гдѣ этотъ очеркъ помѣщенъ, объясняютъ часто по необходимости слишкомъ суммарный характеръ,—а долгое время, въ теченіе котораго вырабатывался мой взглядъ на предметъ,—нѣкоторую естественную неровность изложенія (только I-я и V-я главы написаны мною вновь, III-я же и IV-я взяты почти цѣ-

ликомъ изъ рукописи еще 1876-го года). Сожалѣя объ этой неровности, совершенное исправленіе которой слишкомъ однакоже задержало-бы выходъ въ свѣтъ третьяго выпуска „трудовъ“ Психологическаго Общества, я не особенно сожалѣю о вынужденной сжатости изложенія. Вопросы такой громадной, подавляющей сложности, какъ вопросъ о свободѣ воли, болѣе другихъ нуждаются именно въ суммарномъ, сводящемъ ихъ на немногія основныя понятія изложеніи,—болѣе другихъ требуютъ, чтобы изложеніе это давало non multa sed multum. Къ тому-же и въ обстоятельныхъ статьяхъ того-же Сборника, принадлежащихъ уважаемымъ товарищамъ Н. Я. Гроту и Л. М. Лопатину, читатель найдетъ массу разсужденій, могущихъ превосходно восполнить оставленные мною во многихъ частностяхъ пробѣлы, при всемъ различіи нашихъ точекъ зрѣнія. Изъ понятій, весьма *существенныхъ* для моей собственной точки зрѣнія на вопросъ о свободѣ воли, мало затронуты мною или недостаточно выяснены два: понятіе о природѣ *внутренняго* опыта, въ которомъ намъ дана воля, и понятіе *усилія*. Причина этого въ томъ, что оба понятія, (бывшія предметомъ особыхъ рефератовъ, читанныхъ мною въ Психологическомъ Обществѣ въ 1887 и 1888 годахъ) составляютъ предметъ спеціальнаго труда, представляющаго основу и синтезъ всего моего міровоззрѣнія и который я въ непродолжительномъ времени надѣюсь издать подъ заглавіемъ: „внутренній опытъ, какъ начало всеобщаго міровоззрѣнія“. Неполнота настоящаго очерка въ этомъ отношеніи, — недостатокъ, какого трудно, если не вовсе невозможно, избѣжать во всякой монографіи,—какъ *отрывокъ*,—вообще.

П. Астафьевъ.

1889 года 10 Октября.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 1

Глава I. Постановка вопроса по существу 3

Глава II. Постановка вопроса въ исторіи 17

Глава III. Вопросъ въ ученіи детерминизма 34

Глава IV. Вопросъ въ ученіи трансцендентальной свободы . 52

Глава V. Итоги и основанія положительнаго рѣшенія 67

КЪ ВОПРОСУ О СВОБОДѢ ВОЛИ.

Causa finalis movet non secundum suum esse reale; sed secundum suum esse cognitum (схоластическій аѳоризмъ).

I.

Тѣсно связанный со всѣми, безъ исключенія, основными понятіями философскаго міровоззрѣнія, на которыхъ строятся и спекулятивныя и нравственныя и нравственно-религіозныя теоріи, слагающія послѣднее,— придавая своимъ рѣшеніемъ этимъ теоріямъ и то или другое направленіе, и тотъ или иной смыслъ въ цѣломъ міровоззрѣніи,—„вопросъ о свободѣ воли“ въ себѣ одномъ, какъ въ фокусѣ, отражаетъ *всѣ* вопросы, сомнѣнія, недоумѣнія и заблужденія, черезъ которыя проходила философская мысль въ исторіи каждой отдѣльной философской дисциплины порознь. Въ этомъ отношеніи взглядъ того или другого философа на свободу воли можетъ служить характеристикой всей его системы и пробнымъ камнемъ ея важнѣйшихъ достоинствъ и недостатковъ. Въ этомъ-же отношеніи и ис-

торія вопроса о свободѣ воли, несмотря на болѣе позднее, сравнительно съ другими основными вопросами философіи, возникновеніе его во времени, представляется особенно поучительною. Возникъ вопросъ этотъ, спеціализировавшись въ свою настоящую форму (о свободѣ, какъ отрицаніи необходимости), выдѣлившись изъ общаго *метафизическаго* вопроса объ основахъ бытія и дѣйствія вообще,—уже только въ средніе вѣка. Къ этой спеціализаціи вопроса о свободѣ человѣческой воли, къ выдѣленію его изъ общаго метафизическаго вопроса о послѣднихъ основахъ бытія и дѣйствія, произведшіе это выдѣленіе Отцы Церкви и моралисты были подвинуты не спекулятивнымъ, общеметафизическимъ, но главнымъ образомъ нравственно-религіознымъ интересомъ,—стремленіемъ выяснить себѣ значеніе *нравственной свободы* въ человѣческихъ поступкахъ и ея отношенія къ этически-религіознымъ понятіямъ о Богѣ, какъ міроправителѣ, о благодати, предопредѣленіи, основаніи нравственнаго закона и т. п. *Этотъ* мотивъ—нравственный и религіозно-нравственный—въ дальнѣйшей разработкѣ вопроса о свободѣ воли получалъ всё болѣе и болѣе преобладающее значеніе, придавая и самому изслѣдованію все болѣе и болѣе спеціально-этическій характеръ и отдѣляя его постепенно отъ его метафизическихъ и психологическихъ корней. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самая спеціальная разработка вопроса постепенно переходила, какъ-бы по праву, въ вѣдѣніе богослововъ и моралистовъ, принимая вмѣстѣ съ тѣмъ въ цѣлыхъ системахъ спекулятивнаго міровоззрѣнія характеръ какого-то второстепен-

наго эпизода, кое-какъ принаровливаемаго отнынѣ къ строю цѣлой системы, но не имѣющаго уже по себѣ рѣшающаго, и опредѣляющаго самый этотъ строй значенія.

Такой ходъ судебъ вопроса о свободѣ воли одинаково вредно, по нашему убѣжденію, отразился и на цѣлыхъ спекулятивныхъ системахъ міра и на спеціальномъ вопросѣ о свободѣ воли—ошибочно, какъ мы думаемъ, спеціализованномъ. Въ первыхъ онъ явился одною изъ важнѣйшихъ причинъ весьма существенной (и общей почти всѣмъ системамъ новаго міра) односторонности, неполноты и слѣдовательно ошибочности. Эта односторонность и неполнота явились естественнымъ послѣдствіемъ *изъятія* изъ области спекулятивныхъ метафизическихъ началъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ и устраненія изъ всей системы міра) начала *дѣятельной силы*, единственною вѣдомою намъ формою которой (и только во внутреннемъ опытѣ вѣдомою) является именно *воля*. На мѣсто этого понятія дѣятельной, нѣчто *изъ себя* полагающей силы, отнынѣ въ міровоззрѣніяхъ все рѣшительнѣе ставится заимствованное изъ міра объектовъ, т. е. опредѣленныхъ въ пространствѣ *состояній* сущаго, понятіе *движенія* — ничего изъ себя не полагающаго, но лишь передающагося, неизмѣнно сохраняющагося равнымъ себѣ въ безконечномъ рядѣ смѣняющихся состояній своихъ, которыя точно опредѣлены и во времени и въ пространствѣ.

Смѣна объективно-опредѣленныхъ *состояній*, въ которыхъ выражается неизмѣнно равное себѣ, ничего не

творящее, не растущее и не убывающее, но лишь разнообразящееся въ формахъ своего проявленія въ пространствѣ и времени движеніе,—вотъ чѣмъ замѣняется отнынѣ для спекулятивной философіи „дѣятельная сила“. Понятію начала творческаго здѣсь уже нѣтъ мѣста. Нѣтъ мѣста болѣе и для совпадающаго съ нимъ понятія самоопредѣленія. Мысль отнынѣ ищетъ въ той смѣнѣ объективныхъ состояній, какою представляется ей весь міръ, лишь выраженія равнаго себѣ, неизмѣнно опредѣленнаго и вѣчно-сохраняющагося движенія, которое въ этой смѣнѣ проявляется. — Въ виду этой задачи, она сводитъ всякую послѣдующую совокупность состояній на предшествующую, показывая въ первой— лишь продолженіе или преобразованіе второй, безъ всякаго измѣненія въ самомъ выражающемся въ нихъ, вѣчно себѣ равномъ движеніи. Всякое отдѣльное состояніе и всякая совокупность состояній постигаются здѣсь лишь какъ точное продолженіе, повтореніе движенія или энергіи, выразившихся въ другомъ предшествующемъ состояніи, или совокупности состояній.—Все сущее въ этомъ мірѣ „явленій движенія“ получаетъ отнынѣ опредѣленность свою для мысли только изъ другого и черезъ другое, а не изъ себя,—есть дѣйствіе *внѣ* его лежащей опредѣленной причины. Только въ данной опредѣленности причинъ (какъ состояній движенія) лежитъ основаніе опредѣленности дѣйствій (другихъ состояній движенія), и этотъ законъ причинной связи (въ иной формѣ выражаемый, какъ законъ „сохраненія энергіи“, элементарнѣйшее проявленіе котораго представляетъ инерція) не терпитъ никакого исключенія въ томъ мірѣ, изъ котораго

устранено начало дѣятельной силы, замѣненное сохраняющимся неизмѣнно движеніемъ.

Въ этомъ мірѣ (безъ дѣятельной, творческой силы, безъ самоопредѣленія), въ которомъ послѣдующее есть только продолженіе, преобразованіе предшествующаго, событія совершаются точно такъ-же какъ и мысли слѣдуютъ одна изъ другой въ логическомъ мышленіи, въ которомъ основаніе заключенія должно *всецѣло* содержаться уже въ посылкахъ. Всѣ элементы перваго даны уже въ послѣднихъ и весь процессъ логическаго построенія есть собственно лишь процессъ *измѣненія въ терминахъ*, но не положеніе чего-либо дѣйствительно *новаго*, каковое, если-бы оно и явилось, было-бы признано не имѣющимъ достаточныхъ основаній. Какъ въ мірѣ логической, отчетной мысли царитъ безъизъятно законъ достаточнаго основанія, такъ въ мірѣ объективно сущаго царитъ законъ причинной связи. Разница только въ томъ, что говоря о логическомъ мышленіи трудно забыть (хотя бываетъ съ мыслителями и это), *) что здѣсь самое построеніе (геометрическое, алгебраическое или формально-логическое), приводящее слѣдствіе къ его основаніямъ, или выводящее первое изъ послѣднихъ, есть результатъ *дѣятельности субъекта*, преслѣдующаго въ своихъ комбинаціяхъ представленій, понятій, сужденій etc. свои собственныя

*) Примѣръ—система Гегеля, для которой и макрокосмъ и микрокосмъ суть лишь продуктъ діалектическаго *саморазвитія* идеи (первоначально—понятія), осуществляющагося безъ всякаго носителя ея, субъекта.

опредѣленныя цѣли (отчетность мысли, доказательность и проч.). Въ мірѣ-же объективно-сущемъ такого дѣятельнаго субъекта, дѣятельность котораго лежала-бы въ основѣ представляемой этимъ міромъ смѣны состояній, не требуется. Мѣсто такого субъекта занимаетъ здѣсь движеніе,—котораго нельзя назвать дѣятельнымъ уже потому, что оно, будучи разъ дано, только *продолжается* и, преобразуясь, неизмѣнно сохраняется. Для *этого* міра представляются такимъ образомъ, вмѣстѣ съ устраненіемъ изъ него понятія дѣятельной силы, чуждыми нетолько понятія творчества и самоопредѣленія, но и понятіе субъекта, дѣятеля.— Остаются только *состоянія* и ихъ отношенія. Чистый „Феноменизмъ“ (въ родѣ напр. міровоззрѣнія Д. Ст. Милля съ его теоріей „постоянныхъ возможностей ощущенія“, имѣющихъ замѣстить и духъ и матерію) былъ-бы наиболѣе точнымъ выраженіемъ этого міровоззрѣнія, принимающаго въ соображеніе все, кромѣ данной во внутреннемъ опытѣ дѣятельной силы, воли. Конечно, съ точки зрѣнія подобнаго міровоззрѣнія—о волѣ, какъ дѣятельной (опредѣляющей себя, а не передающей только далѣе сообщенную ей отвнѣ, опредѣленную не ею энергію) свободной силѣ, или вовсе не можетъ быть рѣчи, (воля должна въ немъ вовсе отрицаться), — или-же воля, съ ея самоопредѣленіемъ, должна быть отнесена въ область, лежащую внѣ тѣхъ предѣловъ, гдѣ происходятъ движенія, гдѣ совершается смѣна состояній, явленій, т. е. въ область недоступнаго никакому опыту (ни внѣшнему, ни внутреннему), но только умопостигаемаго (интеллигибельнаго) міра. Первый исходъ представля-

ютъ намъ пантеизмъ, матерьялизмъ, позитивизмъ и всѣ безчисленныя разновидности чисто-механическаго міровоззрѣнія (напр. и Гербартіанизмъ); второй — ученія о такъ называемой трансцендентальной свободѣ, крупнѣйшими представителями котораго въ новое время являются Кантъ, Шеллингъ и Шопенгауэръ.

Повліявъ, — какъ мы теперь только указали, а въ дальнѣйшемъ изложеніи надѣемся съ достаточною полнотою выяснить, — совершенно опредѣленно на характеръ и направленіе системъ спекулятивной философіи новаго времени въ ихъ цѣломъ, — отдѣленіе вопроса о свободѣ воли отъ общаго метафизическаго вопроса о началахъ бытія и спеціализація его въ области нравственно религіозныхъ вопросовъ (или по крайней мѣрѣ подчиненіе изслѣдованій о свободѣ воли исключительно руководительству этическихъ мотивовъ) еще рѣшительнѣе отразились на судьбахъ самого этого спеціальнаго вопроса. Въ отношеніи общаго развитія философіи въ новое время это отдѣленіе можетъ еще повидимому подтверждать правило, что „нѣтъ худа безъ добра“, такъ какъ оно по крайней мѣрѣ способствовало выясненію существеннѣйшей противоположности свободы — необходимости, котораго еще не знала древность, противополагавшая лишь опредѣленіе отвнѣ — самоопредѣленію *), или случай, судьбу

*) Ни о логической возможности, ни о психологической дѣйствительности этого самоопредѣленія не ставилось вопроса, не формулировалось и сомнѣнія. Ср. Аристотелево опредѣленіе „свободнаго“ въ de anima.

(fatum)—личному, намѣренному въ дѣйствіяхъ*). Но нельзя утѣшать себя тѣмъ-же въ отношеніи рѣшенія *спеціальнаго* вопроса о свободѣ или несвободѣ воли. Здѣсь можно смѣло утверждать, что подчиненіе изслѣдованія вопроса исключительно этическимъ мотивамъ и передача его въ спеціальное вѣдѣніе богослововъ, моралистовъ и даже (какъ это ни странно!) юристовъ, — не привели ни къ чему, кромѣ почти безнадежной запутанности, произвола и широчайшаго простора всяческой софистикѣ какъ въ постановкѣ, такъ и въ разрѣшеніи вопроса.

Иначе и не могло быть. Съуженный въ спеціально-этическій, или даже юридическій,—метафизическій вопросъ такой громадной важности, какъ вопросъ *о природѣ воли, дѣятельной силы, субъекта*, конечно не могъ быть нетолько правильно рѣшенъ, но и правильно поставленъ. Человѣчество, къ счастію, ищетъ опоръ для своей дѣйствительной нравственной жизни въ своемъ собственномъ духѣ, въ его вѣчныхъ, не сочиненныхъ жизненныхъ началахъ, не выжидая сочиненія и обнародованія той или другой „системы этики". „Постулатъ" той или другой изъ многихъ нравственныхъ системъ, какимъ является въ этихъ изслѣдованіяхъ свободная воля **) конечно не можетъ никогда занять въ мысли мѣсто на ряду съ такими основными понятіями, заправляющими

*) Ср. Trendelenburg „Ueber Freiheit u. Nothwendigkeit" у древнихъ.

**) И должна являться по этическому характеру этихъ системъ, какъ системъ, обнимающихъ *нормы* должнаго или желательнаго, а не законы сущаго.

всей умственною жизнью человѣка, какъ понятія причины и дѣйствія, основанія и слѣдствія и т. п. Тѣмъ болѣе не можетъ онъ ограничить или побѣдить эти понятія, оказавшись съ ними въ непримиримомъ противорѣчіи. „Постулатъ“ всегда уступитъ мѣсто этимъ понятіямъ. *Перестроивать-же* всю систему міра согласно требованіямъ того или другого *постулата*, особенно если послѣдній условенъ и ограниченъ,—не всеобщъ,—конечно не менѣе рискованно и смѣшно, какъ и пытаться примѣнить къ дѣлу методъ, изобрѣтенный членомъ знаменитой фантастической Свифтовой „академіи прожектеровъ“ для стройки домовъ, начиная не съ фундамента, а съ крыши. Комичны безспорно былибы для серьезнаго мыслителя какая-нибудь „система міра утилитаризма“, или „система міра альтруизма“ и т. п.; но еще несравненно смѣшнѣе и нелѣпѣе звучалибы для него „теорія начала дѣятельной силы Магдебургскаго права“ или „теорія творческаго начала и механизма итальянскаго уголовнаго права“, построенныя съ точки зрѣнія этихъ „правъ“ въ серьезномъ убѣжденіи, что *этимъ* путемъ дѣйствительно создаются теоріи дѣятельной творческой силы или механизма, т. е. цѣлыя системы міра!

А между тѣмъ, произвольно и насильственно вырванный изъ своей родной метафизической почвы и подчиненный спеціально-богословской, этической и даже (особенно часто — въ наше время) юридической точкѣ зрѣнія, — вопросъ о волѣ, дѣятельной силѣ, субъектѣ дѣйствій, настоятельно требуетъ отъ изслѣдователя,—въ силу своего значенія для всѣхъ

областей цѣльнаго міровоззрѣнія,—непремѣннаго введенія того или другого рѣшенія своего въ *цѣлую* систему этого міровоззрѣнія. Приходится, для этой цѣли, или перестраивать все міровоззрѣніе съ спеціально этической, богословской или юридической точекъ зрѣнія, создавать напр. „спеціально-протестантскую“ метафизику, или систему міра*);—или-же подводить входящія въ задачу вопроса о свободѣ воли понятія „воли“, „субъекта“, „дѣятельной силы“, подъ категоріи одного изъ существующихъ уже спекулятивныхъ міровоззрѣній безъ всякой критики послѣднихъ. А это значитъ,—какъ видно изъ предшествующаго,— ни болѣе ни менѣе какъ: подводить понятія воли, дѣятельной силы, субъекта, самоопредѣленія—подъ понятія *такого* міровоззрѣнія, началами котораго, благодаря самому уже факту выдѣленія изъ него вопроса о свободѣ воли какъ спеціально этическаго, заранѣе *отрицаются* и „воля“ и „дѣятельная сила“... Задача эта безспорно столько-же неразрѣшима, сколько и задача — начинать построеніе мета-

*) Каждому, знакомому съ обширной литературой вопроса о свободѣ воли въ Германіи, бросалось конечно въ глаза, какіе яркіе слѣды оставило на ея произведеніяхъ, и въ метафизической и въ этической части ихъ, характерное ученіе Лютера de servo arbitrio, о несущественности дѣянія въ дѣлѣ спасенія и о случайности нравственнаго характера дѣянія, о благодати, какъ случайномъ счастіи (nicht meine That, sondern mein Glück), и т. д. Ученіе это договорилось въ кальвинизмѣ до самаго мрачнаго и отчаяннаго своего выраженія и рѣзко отличается отъ ученія православной церкви, какъ это послѣднее изложено напр. въ Посланіи (исповѣданіи) восточныхъ патріарховъ.

физики съ юридическихъ или этическихъ формулъ, или постройку дома съ крыши.

Понятно, какая неразрѣшимая путаница понятій должна была роскошно разрости на почвѣ столь невозможной постановки вопроса. Путаница эта, характеристикѣ и раскрытію которой посвящены ближайшія страницы этого разсужденія, достигла въ наше время, послѣ почти тысячелѣтней разработки вопроса, такой сложности и такихъ размѣровъ, что приводитъ въ отчаяніе даже сильнѣйшіе и искреннѣйшіе умы. Нетолько скептики и сторонники позитивизма и феноменизма *), но даже мыслители, серьезно преданные метафизикѣ и искренно ждущіе отъ нея вѣрныхъ отвѣтовъ на всякіе „проклятые вѣчные вопросы“, признаютъ въ наши дни этотъ вопросъ о свободѣ воли для научной мысли навсегда неразрѣшимымъ, и въ отношеніи его считаютъ неизбѣжнымъ для человѣчества ограничиться разъ навсегда „вѣрованіемъ сердца“ или несомнѣнностью „нравственнаго постулата“. Таковы напримѣръ, въ Германіи — Лотце, или у насъ одинъ изъ глубочайшихъ русскихъ мыслителей, Ю. Ѳ. Самаринъ. Но конечно твердо вѣрить въ свободу воли въ своей живой нравственной дѣятельности, отрицая въ то-же время и волю и дѣятельную силу субъекта въ своемъ теоретическомъ міровоззрѣніи,—исходъ слишкомъ бо-

*) Которымъ, для полной послѣдовательности, собственно должно-бы о волѣ съ ея свободой или несвободой вовсе *не говорить*, устраняясь отъ участія въ спорѣ, такъ какъ понятіе „дѣятельной силы“ ими въ принципѣ отрицается.

лѣзненный, отчаянный даже для нашего глубоко-больного современнаго человѣчества, давно лишившагося внутренней гармоніи и цѣльности мысли. *Нужно* попытаться распутать вѣками запутанный клубокъ недоумѣній и ошибокъ, представляющійся намъ результатомъ исторіи вопроса о свободѣ воли,—какъ-бы задача эта ни казалась на первый взглядъ трудно выполнимою.

А этотъ клубокъ, дѣйствительно, очень запутанъ, хотя концы его и не достаточно скрыты вглубь для того, чтобы его приходилось разрубать, рѣшительно отказавшись отъ надежды распутать. Недоумѣніе,—и недоумѣніе колоссальное,—встрѣчается здѣсь уже съ перваго-же шага и сразу-же даетъ намъ въ руки руководящую нить. Это недоумѣніе — въ самомъ названіи вопроса, въ самомъ вопросѣ *о свободѣ воли* какъ-бы предполагающемъ, что воля, если она *есть*, если мы ее разъ допустили, *можетъ быть*—или свободна, или несвободна. Какъ мы постараемся показать въ дальнѣйшемъ изложеніи, всѣ изслѣдователи вопроса о свободѣ воли, отрицавшіе эту свободу (а за ними — несомнѣнное превосходство строгой послѣдовательности въ развитіи своей мысли, хотя и мысли односторонней), *отрицаютъ собственно не эту спорную будто-бы свободу, но отрицаютъ самую волю*,—саму дѣятельную, что-либо изъ себя полагающую (а не передающую и сохраняющую сообщенное ей отвнѣ опредѣленіе) силу, отрицаютъ самого *субъекта*, какъ дѣятеля. И воля у нихъ обращается въ равнодѣйствующую механической борьбы представленій, чувствованій, мотивовъ и т. п., являющуюся только выраженіемъ, преобразованіемъ, сохраненіемъ и продолженіемъ энер-

гій, данныхъ въ тѣхъ-же состояніяхъ представленія, чувствованія, желанія и т. п. — Она обращается изъ „дѣятельной силы“ въ „продолжающееся и сохраняющееся въ своихъ преобразованіяхъ движеніе“. При этомъ сведеніи воли, какъ дѣятельной силы, на сообщаемое и сохраняющееся неизмѣнно себѣ равнымъ движеніе,—нисколько не затрудняются тѣмъ соображеніемъ, что воля, какъ дѣятельная сила, дана (если она вообще *дана* сознанію, а не есть результатъ искусственнаго построенія) только во внутреннемъ опытѣ,—а сохраняющееся въ смѣнѣ опредѣленныхъ *состояній* опредѣленное движеніе дано только во внѣшнемъ опытѣ (съ его необходимою формою—пространствомъ). Отождествивъ волю, дѣятельную силу, съ заимствованнымъ изъ міра объектовъ (а не изъ субъекта) движеніемъ, неизмѣнно себѣ равнымъ въ смѣнѣ своихъ состояній,—понимаютъ затѣмъ и самого субъекта лишь какъ *совокупность* опредѣленныхъ *состояній*, выражающую опредѣленную энергію, которая сообщена ей изъ прошлаго и перейдетъ неизмѣненною и въ послѣдующую совокупность опредѣленныхъ-же состояній. Изъ однихъ опредѣленныхъ состояній неизбѣжно послѣдуютъ другія, изъ опредѣленныхъ причинъ—опредѣленныя преобразованія ихъ (*сохраняющія* данную въ причинахъ энергію), —дѣйствія, совершенно независимыя отъ какихъ-либо нарушеній или вмѣшательства особаго субъекта, который вѣдь самъ есть лишь „совокупность состояній“. Такимъ образомъ и *воля*, какъ дѣятельная сила, и *субъектъ* дѣйствія, какъ нѣчто большее, чѣмъ *совокупность* смѣняющихся *состояній*, обходятся или вовсе отрицаются въ

разсужденіяхъ о свободѣ воли. За то и къ волѣ, обращенной въ преобразованіе энергій, данныхъ ранѣе въ формѣ психическихъ и психо-физіологическихъ состояній, и къ субъекту, обращенному просто въ совокупность этихъ состояній, уже безъ всякихъ затрудненій примѣнены законы міра объектовъ (опредѣленныхъ явленій, состояній), т. е. законъ причинной связи и законъ достаточнаго основанія, — и все представляется приведеннымъ въ наилучшій стройный порядокъ. Наконецъ, и данныя внутренняго опыта, — воля, какъ дѣятельная сила, и субъектъ, какъ дѣятель, — въ ихъ своеобразіи устранены, замѣнены данными внѣшняго опыта: движеніями, сохраняющимися въ смѣнѣ своихъ опредѣленныхъ состояній! *Чѣмъ* все это оправдывается?—о томъ себя не спрашиваютъ *).

Въ концѣ нашего разсужденія рѣшится для насъ вопросъ: насколько правильно и логически вѣско полученное *такимъ* путемъ рѣшеніе вопроса о свободѣ воли?—насколько законно отрицаніе или игнорированіе внутренняго опыта и сведеніе его данныхъ (воли, усилія и дѣятельнаго субъекта) на заимствованное изъ внѣшняго опыта представленіе движенія? — насколько законно, наконецъ, представленіе о дѣятельной

*) Не спрашиваютъ себя: чѣмъ можетъ оправдываться устраненіе изъ всей совокупности данныхъ, служащихъ къ построенію міровоззрѣнія, — именно самыхъ непосредственныхъ, элементарныхъ данныхъ внутренняго опыта, и ограниченіе себя данными исключительно внѣшняго опыта, гораздо болѣе сложными, опосредствованными, производными?

силѣ, какъ объ опредѣленномъ *состояніи*, всецѣло переходящемъ въ другое опредѣленное-же состояніе, а о дѣятельномъ субъектѣ, какъ объ опредѣленной совокупности такихъ состояній,—представленіе, оправдывающее примѣненіе къ дѣятельной силѣ и субъекту законовъ причины и достаточнаго основанія? Прежде чѣмъ высказать нашъ выводъ о рѣшительной нелогичности, незаконности и несостоятельности всѣхъ этихъ, какъ-бы узаконенныхъ уже давностью въ обсужденіи вопроса о свободѣ воли пріемовъ подмѣны и смѣшенія понятій, укажемъ въ краткомъ обзорѣ существующихъ изслѣдованій этого вопроса, въ какой формѣ и послѣдовательности эти пріемы создавались, узаконялись и постепенно все безнадежнѣе затемняли вопросъ.

II.

Если вообще возможно спорить только о томъ, что́ какими-бы то ни было путями сдѣлалось достояніемъ нашего сознанія, то слѣдовательно у человѣчества, еще до перваго появленія какой-бы то ни было теоріи воли, было *сознаніе свободы воли*,—въ формѣ-ли непосредственнаго сознанія, или смутнаго вѣрованія, или представленія, или-же логическаго понятія. Однимъ словомъ, свобода воли должна была быть прежде всего фактомъ *личнаго* сознанія, чѣмъ еще отнюдь не предрѣшается вопросъ объ *источникахъ* этого факта сознанія, такъ-же какъ тотъ или иной, утверждающій объективное бытіе или небытіе свободы воли, теоретическій взглядъ на пред-

метъ. Нѣтъ ни одного философа, который отрицалъ-бы этотъ фактъ, какъ простой фактъ личнаго сознанія, и расходятся ученые и философы лишь *въ объясненіи* этого факта сознанія изъ его причинъ (логическихъ и психологическихъ) и *въ оцѣнкѣ* его,—какъ субъективной иллюзіи,—или-же какъ представленія объективно-истиннаго. Такъ одни, изъ простой *всеобщности* этого факта личнаго сознанія, выводятъ невозможность не довѣрять объективной истинности его показанія и его дѣйствительности объективной, опираясь главнымъ образомъ на его *непосредственность* (напр. Th. Reid. T. VI, chp. IV). Другіе-же, объясняя, съ одной стороны, этотъ фактъ личнаго сознанія логическими или психологическими процессами и показывая такимъ образомъ, что онъ вовсе не *непосредственный*, первичный фактъ сознанія,—требуютъ, съ другой стороны, для признанія справедливости этого показанія личнаго сознанія, иного критерія, чѣмъ простое непосредственное присутствіе этого показанія въ сознаніи хотя-бы и всѣхъ людей. Поэтому они ставятъ себѣ двоякую задачу: 1) *объяснить* спорный фактъ сознанія, — показать *исторію* его происхожденія, тѣ общія условія и причины психическаго развитія человѣка, какъ необходимое слѣдствіе которыхъ у него является вѣрованіе въ свободу своей воли, 2) *оцѣнить* этотъ объясненный такимъ образомъ по общимъ, естественнымъ законамъ, изъ причинъ его, фактъ,—рѣшить вопросъ объ истинности или неистинности вѣрованія въ свободу воли, о ея дѣйствительности, или иллюзорности.

При этомъ —и это *главное* обстоятельство — считаютъ возможнымъ рѣшить *послѣдній* вопросъ изъ уста-

новленныхъ уже *ранѣе*, несомнѣнныхъ, *болѣе общихъ*, чѣмъ предметъ спора, понятій о законахъ природы, строѣ всего міра, законахъ развитія духа человѣческаго, отношеніи человѣка къ міру и его Творцу-Богу,— о законахъ исторіи и значеніи дѣятельности отдѣльной личности въ ней и т. п. Такимъ образомъ отвѣтъ на вопросъ: „вѣрно-ли показаніе нашего *личнаго сознанія* о свободѣ нашей воли или нѣтъ, т. е. дѣйствительна-ли эта свобода?“—является результатомъ цѣлаго ряда аргументовъ, доказательствъ и опроверженій, заимствованныхъ изъ областей метафизики, психологіи, богословія, космологіи, естественныхъ наукъ, философіи исторіи и т. п. Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія, при помощи положеній и законовъ, заимствованныхъ, какъ видно, изъ области *широчайшей, чѣмъ дающее поводъ къ спору о свободѣ воли личное сознаніе*,—*области, объемлющей и міръ безсознательнаго, стихійнаго и міръ до- и сверх-сознательнаго*, стараются одни — доказать дѣйствительное бытіе удостовѣряемой личнымъ сознаніемъ свободы воли, а другіе—показать ея иллюзорность. Къ этому присоединяются, наконецъ, за свободу воли, и противъ нея, аргументы нравственные. Одни стараются доказать *необходимость* свободы воли для самаго бытія нравственности, для бытія закона нравственнаго въ его отличіи отъ физическаго, для долга, нравственно-добраго или злого качества дѣяній человѣческихъ, для отвѣтственности за нихъ, для наказанія, исправленія, воспитанія и т. п. (*выводя* такимъ образомъ ея дѣйствительность изъ ея нравственной необходимости). Другіе-же утверждаютъ, что если-бы человѣческая воля была дѣйствительно свободна, то ея дѣянія, какъ

не опредѣляемыя необходимо и неизмѣнно мотивами (какъ безпричинныя), были-бы чистымъ капризомъ,—не имѣли - бы, слѣдовательно, никакого *внутренняго* нравственнаго достоинства,—что при этомъ исчезли-бы самое различіе добра и зла, возможность вмѣненія, взаимнаго довѣрія между людьми, воспитанія и улучшенія человѣка, — что наказаніе сдѣлалось-бы безполезнымъ и безцѣльнымъ, а закономѣрная, непрерывная, единая исторія — постоянно нарушаемая въ своемъ теченіи человѣческимъ капризомъ—невозможною (ср. для примѣра соч. Герцена Physiol. de la volonté, гдѣ онъ преимущественно ссылается на итальянскихъ криминалистовъ).

Но, выставивъ другъ противъ друга эти аргументы за свободу и противъ нея, какъ условія нравственности, т. е. того, *что должно быть* въ сознательной жизни человѣческой (какъ самоцѣль, — или какъ средство для другихъ цѣлей—мирнаго общежитія, общаго блага, историческаго развитія и т. под., смотря по различію системъ), оба противоположныя направленія затѣмъ опять сходятся. Вопросъ *о дѣйствительномъ бытіи или не бытіи* этого предполагаемаго условія или препятствія нравственности — свободы воли — они рѣшаютъ все-таки прежде уже указанными законами *изъ области безъ-до-и сверхъ-сознательнаго*, найденными и доказанными *не въ той* области личнаго сознанія (внутренняго опыта), которая одна даетъ намъ и представленіе о волѣ и вѣрованіе въ ея свободу. Таковъ конечный пріемъ ученій детерминизма и трансцендентальной свободы, завѣщанныхъ намъ исторіею вопроса.

Первое отрицаетъ дѣйствительное бытіе свободы воли, стараясь притомъ истолковать понятія нравственной отвѣтственности, долга, наказанія etc. въ томъ смыслѣ, что свобода *не* есть ихъ условіе. Оно основывается при этомъ на недопускающей исключенія *всеобщности закона причинности* въ мірѣ явленій, какъ безсознательныхъ, *такъ и сознательныхъ*, — на неизмѣнности законовъ природы, предполагаемой и въ метафизикѣ, и въ естественныхъ наукахъ, и въ исторіи, и въ психологіи,—на томъ, что и *духовная природа* человѣка, подобно физической, есть результатъ извѣстнаго *развитія,* т. е. необходимое дѣйствіе причинъ *), — на противорѣчіи, въ которомъ, по его мнѣнію, эта мнимая свобода человѣческой воли стояла-бы съ нѣкоторыми свойствами Бога, какъ Міроправителя, - съ Предопредѣленіемъ, благодатью, ученіемъ о первородномъ грѣхѣ и т. под. Второе-же, т. е. ученіе трансцендентальной свободы, утверждаетъ ея дѣйствительное бытіе (отстаивая при-

*) Детерминизмъ вообще требуетъ психологическаго обоснованія, *объясненія* содержанія сложившагося, развитого человѣческаго духа, изъ безсознательныхъ и предсознательныхъ причинъ и условій его развитія (ср. *Sigwart* Fr. u. N. 92—93, а также не сознающаго себя детерминиста *Dittes'a*: 1-я часть его книжки о свободѣ и детерминизмѣ). Детерминизмъ особенное рѣшительное значеніе придаетъ тому обстоятельству, что нѣтъ въ сознаніи никакого *первичнаго* содержанія, но что все оно—плодъ развитія изъ безсознательнаго, по его общимъ законамъ (таковы, по мнѣнію его, и *я* и *добро* и *зло*, и *свобода* воли); такимъ образомъ онъ *сводитъ область сознанія всецѣло на область безсознательнаго,* а потому и въ первой признаетъ господство *только* тѣхъ-же законовъ, какіе властвуютъ во второй, т. е. законовъ необходимой причинной связи.

томъ ея необходимость, какъ условія нравственности и права въ ихъ совокупности), *но уже не въ мірѣ явленій* и не въ являющихся отдѣльныхъ *дѣяніяхъ* человѣка. Въ этой области оно признаетъ, подобно предшествующему ученію, *безусловное господство закона причинности*, свободу же оно ставитъ въ мірѣ интеллигибельномъ (Кантъ), заміровомъ (Платонъ и Оригенъ), гдѣ она выражается въ лежащемъ внѣ человѣческаго сознанія (Кантъ и Шеллингъ), *внѣ*-временномъ (Кантъ, Шопенгауэръ), или *до*-временномъ (Шеллингъ) актѣ, которымъ всякое существо *свободно* и одинъ разъ навсегда опредѣлило уже самыя неизмѣнныя *свойства* своего характера (а не его отдѣльныя проявленія или дѣйствія), *необходимо* проявляющагося затѣмъ, подъ вліяніемъ *данныхъ* отвнѣ условій, такъ или иначе въ мірѣ явленій. Въ *этомъ* мірѣ, такимъ образомъ, по ученію трансцендентальной свободы, сохраняется неприкосновенно всеобщность закона причинности, условности, опредѣляемости всего сущаго отвнѣ, изъ другого,—на которомъ основывается все наше знаніе о сущемъ. Свобода-же, безусловность, самоопредѣленіе относятся за предѣлы этого міра, сосредоточиваясь въ единый актъ, однажды навсегда опредѣляющій самое *бытіе характера* съ такими, а не иными свойствами, добрыми или злыми. *) Оба ученія,—мы пока для ясности, чтобы

---

*) Предположеніе *неизмѣнности* однажды опредѣленнаго этимъ трансцендентальнымъ актомъ характера очевидно въ этомъ ученіи *необходимо*, ибо этотъ актъ—не повторяющійся, и опредѣленный имъ интеллигибельный характеръ принадлежитъ къ области, куда не можетъ простираться измѣняющее вліяніе ни одного изъ тѣхъ

не спутать понятія читателя съ первыхъ-же шаговъ, не упоминаемъ о промежуточныхъ формахъ,—отрицаютъ такимъ образомъ дѣйствительное бытіе свободы, истинность показанія о ней нашего личнаго сознанія *въ мірѣ явленій*, на томъ основаніи, что въ этомъ мірѣ, какъ онъ намъ извѣстенъ и изъ метафизики, и изъ психологіи и изъ естественныхъ наукъ, господствуетъ одна непрерывная, сплошная цѣпь причинъ и ихъ дѣйствій, которыя не могутъ быть иными, чѣмъ они есть (цѣпь эта, если и можетъ быть свободно прервана, или свободно начата и закончена, то только *трансцендентнымъ* ей существомъ—Богомъ, но не принадлежащимъ къ ней феноменальнымъ человѣкомъ). Въ этомъ мірѣ являющагося, находящемся въ пространствѣ и времени, и которому принадлежатъ всѣ наши *дѣйствія,* безъ исключенія господствуетъ правило: „operari sequitur esse“,—каковы свойства *характера,* таковы и свойства *дѣянія.* Если ученіе трансцендентальной свободы и допускаетъ бытіе свободы воли, то не въ этомъ мірѣ явленій и сознательныхъ дѣйствій, а въ мірѣ *до*-сознательномъ, интеллигибельномъ,—въ досознательномъ и внѣвременномъ опредѣленіи человѣкомъ свойствъ своего характера. Въ этомъ ученіи воля, субъектъ, изъ міра опытнаго только перенесены въ міръ интеллигибельный,—

реальныхъ дѣятелей (міра явленій), дѣйствіемъ которыхъ детерминизмъ объясняетъ образованіе опредѣленнаго характера и измѣненія въ немъ. То что, для детерминизма, является результатомъ долгаго психическаго развитія, т. е. твердая *опредѣленность* характера, для ученія трансцендентальной свободы поставлено уже изначала и навсегда неизмѣнно.

міръ *никогда и никакъ* недоступныхъ намъ нуменовъ; а изъ міровоззрѣнія детерминизма воля и субъектъ вовсе и окончательно устранены.

Очевидно, что хотя мы и находимъ первое показаніе о свободѣ воли въ сферѣ *личнаго сознанія*, и только въ ней-же и *сохраняемъ* все время это показаніе (не перенося его во внѣшній міръ), — вопросъ объ истинности или неистинности этого факта *переносится* обоими ученіями въ область безсознательнаго, до-или сверхсознательнаго, и оттуда, т. е. изъ области *внѣ*сознательнаго, берется рѣшеніе, будто-бы *имѣющее силу и въ области нашихъ сознательныхъ дѣйствій*. Личное сознаніе какъ-бы даетъ только исходный фактъ и, констатировавъ его, изслѣдованіе оставляетъ уже въ сторонѣ личное сознаніе съ его, можетъ быть, очень своеобразными законами и, не видя въ томъ погрѣшности, начинаетъ выводить законъ сознательныхъ дѣйствій изъ порядковъ міра безсознательнаго. Оправданіе свое такой путь рѣшенія вопроса можетъ очевидно указать лишь въ исходномъ предположеніи своемъ, по которому сферы сознанія и безсознательнаго стоятъ подъ однѣми и тѣми-же категоріями, управляются одинаковыми законами и т. под.

Предположеніе это сказывается какъ въ *объясненіи происхожденія* представленія свободы воли, такъ и въ отрицаніи дѣйствительности воли и свободы, при повидимому логически-несовмѣстимомъ съ такимъ отрицаніемъ признаніи за вѣрою человѣка въ свою свободу *практическаго* значенія въ жизни сознанія.

Что касается до происхожденія представленія свободной воли, то одни считаютъ его за данную непосредственнаго сознанія; другіе, — въ несравненно большемъ числѣ и обставляющіе свой взглядъ на дѣло съ несравненно-бо́льшею научной основательностью и доказательностью, — *объясняютъ* его, какъ сложный продуктъ психологическихъ и логическихъ процессовъ. Для нихъ представленіе свободной воли есть плодъ такихъ ассоціацій представленій, чувствъ и т. д., которыя совершаются *внѣ контроля* сознанія,—или-же оно плодъ *сознательныхъ, но ложныхъ заключеній* человѣка происходящихъ отъ малаго знакомства его съ безконечно-сложнымъ процессомъ, которымъ слагаются рѣшенія воли,—отъ знанія имъ весьма немногихъ изъ тѣхъ безчисленныхъ и взаимнопереплетающихся, взаимно парализирующихся причинъ и силъ, которыя участвуютъ въ этомъ процессѣ,—отъ незаконнаго перенесенія человѣкомъ сужденія своего надъ дѣйствіемъ уже совершившимся на тотъ моментъ, когда еще только постановлялось рѣшеніе, имѣвшее послѣдствіемъ это дѣйствіе,—отъ смѣшенія и замѣны одного другимъ понятій возможнаго и дѣйствительнаго, возможнаго вообще и возможнаго для меня и т. под. Всѣхъ различныхъ объясненій образованія представленія свободы воли человѣческой перечислить невозможно, — такое множество ихъ *); но результатъ этихъ

*) Напр. *Liebmann* объясняетъ призракъ liberi arbitrii indifferentiae смѣшеніемъ прошедшаго съ настоящимъ, *sollen* съ *können*: man legt den Maassstab dessen, was geschehen *soll* (in der Zukunft)

объясненій обыкновенно бываетъ одинъ:—что представленіе свободы, какъ плодъ логически-*ложныхъ* заклю-

---

an das, was geschehen ist (a. a. O. p. 126). Но откуда беретъ Liebmann, что понятіе о долженствующемъ быть, *о должномъ*, распространяется только на будущее? Или, обсуждая *теперь* предстоящій образъ дѣйствія, я въ это обсужденіе не допускаю и понятій *о должномъ?* (въ такомъ произвольномъ ограниченіи области должнаго будущимъ виновны весьма многіе, напр. и Sigwart). *Herzen*-сынъ поясняетъ представленіе свободы тѣмъ, что le fait de la sensation indirecte (напр. возбужденіе зрительнымъ ощущеніемъ—слухового, при чемъ *первая* причина забывается) et aussi le caractère variable, oscillant de l'action réflexe favorisent éminement l'illusion de la spontanéité de nos actions (op. c. p. 64); къ этимъ-же обстоятельствамъ принадлежитъ, по Герцену, и неизвѣстность исхода обсужденія, и l'impérieux борящихся безчисленныхъ мотивовъ. *Spinoza* объяснялъ иллюзію свободы невѣжествомъ и самомнѣніемъ человѣческимъ, напр. omnes homines rerum causarum ignavi nascuntur, et omnes appetitum habent suum utile quaerendi, cujus rei sunt conscii. Ex his sequitur, quod homines se liberos esse opinantur, quando quidem suarum volitionum suique appetitus sunt conscii, et de causis, a quibus disponuntur, ne per somnium cogitant... Sic infans se lac libere appetere credit, puer autem iratus vindictam velle et timidus fugam. Ebrius deinde credit, se ex libero mentis decreto ea loqui, quae postea sobrius vellet tacuisse и т. под. *Hume* объясняетъ происхожденіе представленія свободы тѣмъ, что,—разумѣя подъ *причинами необходимо* производящими дѣйствія во внѣшнемъ мірѣ не просто постоянныя предшествующія постоянныхъ послѣдующихъ, а *производящія силы*,—и не находя въ сознаваемыхъ дѣйствіяхъ души никакихъ такихъ *производящихъ* необходимо силъ, т. е. ничего, кромѣ предшествующихъ и послѣдующихъ,—мы не видимъ въ этихъ дѣйствіяхъ той необходимости, которую ошибочно предполагаемъ въ мірѣ внѣшнемъ (ибо понятіе причины, какъ *производящей* силы, по Юму ложно). *Д. С. Милль* объясняетъ это представленіе слож-

ченій, или-же чисто-субъективныхъ ассоціацій, совершавшихся *внѣ контроля* критикующаго сознанія, и слѣдовательно не имѣющихъ *логической* цѣнности, есть *иллюзія*,—

ностью причинъ нашихъ поступковъ и невозможностью всегда точно предрасчислить ихъ дѣйствіе (Сист. Лог. II. стр. 408—409). *Лотце* свободу воли называетъ не *фактомъ* внутренняго наблюденія (самосознанія), но *положеніемъ*, къ пріему котораго мы считаемъ себя вынужденными общимъ строемъ нашего нравственнаго сознанія,— а потому-де и вѣра въ нее будетъ подтверждена или исправлена разборомъ внутреннихъ побужденій (*Микрокосмъ*, пер. Корша. с. 329). По *Маудсли* человѣкъ наиболѣе убѣжденъ въ полной свободѣ своей воли во снѣ, когда онъ пьянъ, или помѣшанъ (*Физіол. и Патол. души* стр. 173). Ложное мнѣніе о свободѣ воли вытекаетъ изъ того, что сознаніе открываетъ извѣстное состояніе духа *въ данную минуту*, но не открываетъ длинныхъ рядовъ причинъ, отъ которыхъ оно зависитъ (ibid). У большинства детерминистовъ любимые мотивы, разработываемые ими съ цѣлью обойти или устранить вопросъ о дѣйствительной свободѣ воли (т. е. о внутренней свободѣ хотѣнія) суть: объясненіе представленія о такой внутренней свободѣ смѣшеніемъ сознанія свободы хотѣнія съ внѣшней свободою *дѣйствія*, и принятіемъ второй за первую,—объясненіе этого представленія смѣшеніемъ понятія *принужденія* (чѣмъ-либо чуждымъ и враждебнымъ моей природѣ) съ понятіемъ необходимости (изъ внутренней *данной* опредѣленности характера, наклонностей и т. под.) и ложнымъ мнѣніемъ о волѣ, какъ свободной, тамъ, гдѣ она не принуждается чѣмъ-либо внѣшнимъ, а выражается согласно своей природѣ, какъ необходимой причинѣ ея хотѣній. При этомъ они ссылаются и на то, что мы часто забываемъ, что само, возбужденное въ насъ *причинами*, фантастическое желаніе доказать свою *свободу* становится причиною дѣйствій, повидимому произвольныхъ, и т. под. (напр. у Bain'a, The em. a. the will p. 510 seqq.). Мы не приводимъ здѣсь ссылокъ, потому что читатель встрѣтитъ эти мотивы въ любомъ трактатѣ детерминиста.

что вѣрованію этому въ свободу,—какъ-бы ни было трудно и даже *невозможно* отрѣшиться отъ него и самому сознавшему его тщету философу,—ничто *въ дѣйствительномъ бытіи* не соотвѣтствуетъ. Оставимъ здѣсь въ сторонѣ тѣ соображенія, что большая часть этихъ объясненій или натянуты (напр. объясненіе смѣшеніемъ возможности вообще съ возможностью для меня у Шопенгауэра), или же представляютъ простую игру подобіями (напр. Спинозово мнѣніе, что летящій по законамъ тяготѣнія камень, если-бы былъ одаренъ сознаніемъ, то вѣроятно считалъ-бы себя свободнымъ, и т. под.), но обратимъ вниманіе читателя на одно обстоятельство. Всѣ эти попытки объяснить сознаніе свободы воли предполагаютъ, что, объяснивши образованіе этого представленія въ личномъ сознаніи такъ, или иначе, онѣ уже сдѣлали все свое дѣло, что изъяснивши его, онѣ тѣмъ самымъ и оцѣнили его и имѣютъ уже всѣ нужныя данныя для утвердительнаго или отрицательнаго рѣшенія вопроса о дѣйствительномъ бытіи свободы, и въ личномъ сознаніи, и внѣ его. Но дѣло, къ сожалѣнію для душевнаго спокойствія этихъ изслѣдователей, далеко не такъ просто! Какими-бы причинами они ни объясняли происхожденіе нашего сознанія своей свободы,—они сами признаютъ, что это сознаніе всеобще, что оно есть и у неразвитого дикаря и у философа-детерминиста въ тѣ минуты, когда онъ не размышляетъ о своей системѣ, а дѣйствуетъ. Многіе объясняютъ этотъ общій фактъ сознанія изъ общихъ причинъ, участвующихъ во всякомъ психическомъ развитіи, такъ что онъ является уже не только

всеобщимъ, но и субъективно-необходимымъ фактомъ человѣческаго сознанія; многіе, наконецъ, доходятъ до того, что въ *практикѣ* считаютъ вѣру человѣка въ свою свободу не только благотворной, но и необходимой, такъ какъ безъ нея область дѣйствительно совершающихся человѣческихъ дѣйствій чрезвычайно съузилась-бы *). И между тѣмъ, признавая этотъ фактъ сознанія себя свободнымъ и всеобщимъ и необходимымъ и даже имѣющимъ практическое значеніе фактомъ, —занимаются имъ только для того, что-бы *объяснить* его изъ причинъ, и не думаютъ поставить себѣ для спеціальнаго и серьезнаго изслѣдованія вопроса: если однажды это всеобщее и необходимое представленіе какими-бы то ни было путями въ сознаніи сложилось,—если оно *есть* въ немъ, то *каково его отношеніе къ другимъ представленіямъ* этого-же сознанія,—каково его *вліяніе* на эти другія представленія(на представленія цѣлей, хотѣній напр.), — на ихъ *значеніе*, *цѣнность* для сознанія, — *какова роль этого всеобщаго и необходимаго факта сознанія*, — *сознанія себя свобод-*

---

*) Таковы напр. Гербартъ, Милль и др. На это обстоятельство очень часто указывали детерминистамъ, какъ на плохо вяжущееся съ ихъ ученіемъ,—ибо выражающее признаніе, что, словами Картезіанцевъ, „дѣйствуя *по представленію свободы*, какъ-бы свободные,— люди свободны“. Но—les défenseurs de la nécessité proclament, que nous ne pouvons être libres, et ils agissent comme s'ils l'étaient (Th. Reid. VI. p. 242). Непонятно, почему *предметомъ своей теоріи* они не рѣшаются сдѣлать свой *практическій* образъ дѣйствованія, который, вѣдь, есть-же *реальное* событіе, и настолько важное, что заслуживаетъ подробнаго изслѣдованія, а не поверхностной только логомахіи!

нымъ,—во всѣхъ дѣятельностяхъ сознанія и для его результатовъ? *) Этого изслѣдованія никакое *объясненіе* происхожденія человѣческаго вѣрованія въ свободу воли изъ причинъ очевидно замѣнить не можетъ, коль скоро это вѣрованіе признано за всеобщій и необходимый фактъ сознанія. Очевидно также, что безъ этого изслѣдованія ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть основательно и окончательно рѣшенъ вопросъ о дѣйствительномъ бытіи, или небытіи свободы, — ибо не можетъ быть видно, имѣетъ-ли это представленіе или нѣтъ, и *какое именно*, вліяніе на процессы сознанія,—которому вѣдь принадлежитъ-же *дѣйствительное бытіе* и какое-нибудь, хотя самое ничтожное, положимъ, *участіе* въ реальныхъ событіяхъ дѣйствительной человѣческой жизни, какъ одному, по крайней мѣрѣ, изъ ея факторовъ!?

Мы думаемъ, что если-бы въ содержаніи самосознанія и оказалось представленіе свободы воли, то одинъ фактъ присутствія этого представленія въ самосознаніи еще нисколько не гарантировалъ-бы самъ-по-себѣ дѣйствительнаго бытія свободы, хотя, конечно, найдя это представленіе въ самосознаніи, изслѣдователь долженъ былъ-бы признать за нимъ значеніе *одного изъ главныхъ дѣятелей* въ механизмѣ сознательныхъ

---

*) Слишкомъ часто забываютъ, что „субъективность происхожденія отнюдь не доводъ противъ объективности значенія“ (Тренделенбургъ, Логич. изсл. пер. *Корша* II. стр. 51),—особенно-же не доводъ въ настоящемъ случаѣ, гдѣ идетъ рѣчь о значеніи субъективно-необходимаго факта въ сферѣ субъективнаго-же сознанія, въ *которомъ* слагаются рѣшенія воли.

дѣятельностей вообще. Онъ долженъ-бы постараться опредѣлить родъ и степень вліянія *этого* представленія (наиболѣе общаго и дорогого людямъ) на *другія представленія* нашего сознанія (слѣдовательно и на мотивы, напр. цѣли, сужденія наши), на ихъ комбинаціи, на измѣненія, подъ вліяніемъ этого общаго представленія, цѣнности, идеальнаго значенія для субъекта всѣхъ прочихъ его представленій, — какъ выразились-бы идеалисты,—или на измѣненіе, подъ этимъ вліяніемъ, силы прочихъ представленій—какъ выразились-бы реалисты, напр. Гербартіанцы (ср. противъ Гербартова понятія силы представленій, Микрок. Лотце, стр. 252 и сл.). Это изслѣдованіе необходимо со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, ибо ни одна, даже матерьялистическая, не можетъ, если понимаетъ себя, считать представленіе, дѣйствительно-существующее въ сознаніи, за нѣчто бездѣйственное, не оказывающее никакого вліянія на другія представленія этого-же сознанія,—за такое дѣйствіе причинъ, на которомъ причинный рядъ вдругъ обрывается, ибо происшедшее какимъ-бы то ни было путемъ дѣйствіе само уже оказывается неспособнымъ производить другія дѣйствія *). Даже чисто-матерьялистическая

*) Вообще одна изъ самыхъ слабыхъ сторонъ матерьялизма та, что для него представленія сознанія суть только *дѣйствія* органическихъ процессовъ, и сами по себѣ (какъ представленія *сознанія*) уже ничего производить не могутъ, никогда не бываютъ сами причинами; всѣ *ихъ* дѣйствія для послѣдовательнаго матерьялизма суть дѣйствія соотвѣтствующихъ мозговыхъ клѣтокъ, ихъ состояній, качествъ, соединеній и т. под., какъ *настоящихъ* причинъ, и въ это дѣйствіе самая *форма сознанія ничего* не привноситъ. При этомъ

точка зрѣнія, привязывающая отдѣльное представленіе къ отдѣльной мозговой клѣточкѣ и поясняющая связи представленій образовавшимися, путемъ развитія, сообщеніями между клѣточками (Литтре, Бэнъ и др.) должна признать необходимость изслѣдованія роли представленія свободы *въ сознательныхъ дѣятельностяхъ*, — его вліянія на прочія представленія въ личномъ сознаніи и т. д.*). Эта задача можетъ быть рѣшена только изслѣдованіемъ *сознаваемаго содержанія* одного представле-

---

взглядѣ представленіе сознанія есть только бездѣйственный *свидѣтель* физіологическаго процесса, такъ сказать переводъ его,—есть дѣйствіе, не становящееся причиною,—такое, на которомъ причинный рядъ обрывается. Признавая сознаніе съ его собственными отличительными чертами, и въ то-же время отрицая его *дѣятельный* характеръ, матерьялизмъ очевидно признаетъ такую функцію органа, которая *сама*, своими *специфическими* свойствами, не реагируетъ на органъ, не имѣетъ способности воспитывать его и т. под. Основаніе этому взгляду матерьялизмъ видитъ гл. обр. въ томъ, что *сознаніе* не есть *способность* или субстанція, но качество или аттрибутъ конкретнаго умственнаго акта (Маудсли, у. с., стр. 26).

*) Ибо невозможно установить отношенія тамъ, гдѣ изъ двухъ членовъ его одинъ извѣстенъ и можетъ быть извѣстенъ только вообще (мозговыя клѣтки и ихъ соединенія), а другой — (такія или иныя, по сознательному содержанію, представленія) былъ-бы вовсе не извѣстенъ. Матерьялисты сами признаютъ, что, при настоящемъ состояніи физіологической науки, совершенно невозможно опредѣлить наблюденіемъ и опытомъ характеръ тѣхъ органическихъ процессовъ, которые составляютъ тѣлесныя условія душевныхъ явленій (Маудсли у. с., стр. 8), что въ настоящее время мы не можемъ понять внутреннюю спеціальную разницу устройства клѣтокъ мозга, которая объясняетъ разницу ихъ отправленій (т. е. представленій, ихъ соединеній и т. под., ср. ibid p. 63).

нія по его отношенію и значенію для *сознаваемаго-же содержанія* другихъ представленій; безъ такого изслѣдованія, какъ предварительнаго и руководящаго, не могла-бы двинуться дальше общихъ мѣстъ и такъ называемая физіологія мысли, ибо чтобы установлять свои отношенія между опредѣленными представленіями или классами ихъ и мозговыми клѣтками, она не можетъ начать иначе, какъ съ ознакомленія съ *данными только въ сознаніи* представленіями и ихъ отношеніями между собою *по сознаваемому содержанію* ихъ, и съ *этимъ*, даннымъ только въ сознаніи, содержаніемъ она должна сообразоваться дальше, если не хочетъ быть пустою декламаціею. Такимъ образомъ изслѣдованіе значенія „сознанія себя свободнымъ“ *въ сознаніи и для сознанія* должно быть признано необходимымъ, къ какой-бы метафизической или психологической партіи мы ни принадлежали, если только мы хотимъ рѣшить вопросъ объ истинности или ложности этого вѣрованія человѣчества. Но такое изслѣдованіе о значеніи преставленія свободы воли въ жизни личнаго сознанія необходимо требуетъ тщательной оцѣнки самого предположенія о безъизъятномъ господствѣ въ сферѣ этой жизни, и о приложимости къ ней законовъ міра объективнаго, въ которомъ не признается ни воли, ни субъекта.

Оцѣнка этого предположенія, строго научная, принимающая во вниманіе *всѣ* неустранимыя, несводимыя данныя какъ внѣшняго, такъ и внутренняго опыта, должна рѣшить, возможно-ли допустить въ нашемъ вопросѣ указанный путь изслѣдованія,—гдѣ сознаніе и его содержаніе разсматриваются подобно прочимъ *объек-*

тамъ знанія и подъ тѣми-же объективными категоріями причины, закона и т. под. Отъ такой предварительной оцѣнки своего научнаго основанія ни одна изъ теорій о свободѣ воли не имѣетъ возможности освободить себя, оставаясь научною. Главное для результатовъ этой критики, —отвѣтить на вопросъ: соотвѣтствуетъ-ли пріемъ изслѣдованія предмету, въ томъ видѣ какъ онъ намъ данъ?

III.

Что-же собственно составляло предметъ спора о свободѣ воли и какъ развивался этотъ споръ?

Прежде всего нужно разъ навсегда строго различить вопросъ о свободѣ *дѣйствія*, осуществленія состоявшагося опредѣленія воли отъ вопроса о свободѣ постановленія самого *рѣшенія* воли. Эти два вопроса ненаучнымъ сознаніемъ постоянно смѣшиваются, но въ дѣйствительности общаго ничего не имѣютъ, и наука имѣетъ дѣло только со вторымъ. Вопросъ о свободѣ *дѣйствія*, о свободѣ *исполненія* однажды принятаго волею рѣшенія можетъ быть рѣшенъ не изъ *общихъ законовъ* природы и духа, а только разсмотрѣніемъ условій всякаго *особаго* даннаго случая, ибо онъ совершенно равенъ вопросу о присутствіи или отсутствіи въ каждомъ данномъ случаѣ *эмпирическихъ условій* осуществленія воли,—внѣшнихъ препятствій или содѣйствій этому осуществленію. Собака. привязанная къ цѣпи, несвободна *бѣгать*, — глухой человѣкъ несвободенъ *услышать* музыку; но, отвязавъ собаку, исцѣливъ глухого, мы еще отнюдь не имѣемъ

основаній признать или непризнать за ними свободу *воли*, свободу рѣшенія ихъ бѣгать или не бѣгать, слушать или не слушать. Поставимъ-ли мы препятствія, или окажемъ помощь осуществленію ихъ желаній и намѣреній,—мы этимъ отнюдь не рѣшимъ еще ничего о томъ: свободны или несвободны самыя эти намѣренія? Свобода дѣйствія, исполненія, есть свобода внѣшняя, опредѣленная внѣшними для самой воли условіями. Только къ этой-же области *внѣшней* свободы, присутствія или отсутствія внѣшнихъ условій проявленія нашихъ состоявшихся уже хотѣній, относится и возможное принужденіе, сознаваемое нами, какъ такое. Нельзя смѣшивать понятія принужденія съ понятіемъ необходимости. Наши хотѣнія могутъ быть и субъективно необходимыми, напр. неизбѣжными слѣдствіями нашего даннаго темперамента, характера, воспитанія и т. под.; но, осуществляя эти субъективно-необходимыя хотѣнія, вытекающія изъ нашей собственной, хотящей ихъ природы, мы *не сознаемъ* никакого принужденія. Послѣднее сознается только тамъ, гдѣ—или внѣшнія и органическія препятствія не дозволяютъ намъ осуществленія нашихъ сознаваемыхъ хотѣній, — или-же внѣшнія силы или собственное болѣзненное состояніе аффекта, помѣшательства и т. под. вынуждаютъ насъ къ дѣйствіямъ, которыхъ мы въ дѣйствительности не хотимъ, которыя чужды, враждебны нашей *сознательной* субъективной природѣ. Такимъ образомъ видно, что принужденіе противоположно свободѣ *дѣйствія*, свободѣ исполненія состоявшихся уже рѣшеній сознательной воли; между тѣмъ какъ относи-

тельно свободы самого постановленія рѣшеній сознательной волею присутствіе или отсутствіе принужденія ничего не рѣшаетъ: постановленныя сознательною волею рѣшенія могутъ быть и субъективно-необходимы, и свободны—и безъ принужденія и при немъ,—и этой свободѣ (внутренней), свободѣ хотѣнія противополагается не принужденіе, а *субъективная необходимость* хотѣній. Вопросъ о принужденіи или свободѣ дѣйствія есть вопросъ о свободѣ внѣшней, эмпирической, не имѣющей основанія въ самой сознательной природѣ дѣйствующаго и хотящаго субъекта;—вопросъ-же о свободѣ внутренней, свободѣ хотѣній или ихъ необходимости, рѣшается именно изъ свойствъ природы самого сознательно хотящаго субъекта,—не эмпирически. Обоихъ вопросовъ смѣшивать никакъ нельзя *).

Виды свободы дѣйствія суть: свобода физическая, свобода гражданская, политическая, экономическая и др. У всякаго разумнаго существа предполагается такая свобода исполненія, дѣйствія,—ибо оно, поскольку оно разумное существо, не можетъ *рѣшаться* на то, чтобы ставить себѣ цѣлью дѣятельности что-либо, о чемъ оно

---

*) А между тѣмъ одинъ изъ любимыхъ пріемовъ детерминистовъ, для устраненія самаго вопроса о свободѣ хотѣній, есть аргументація,—или смѣшивающая принужденіе съ необходимостью,—или смѣшивающая отсутствіе принужденія, при субъективной необходимости хотѣнія, со свободою,—аргументація, старающаяся поставить на мѣсто свободы хотѣнія свободу дѣйствія, чѣмъ, конечно, вопросъ о свободѣ или необходимости хотѣній не рѣшается, но обходится. Примѣры такой аргументаціи мы встрѣтимъ всюду въ избыткѣ. См. Bain въ The emotions and the will pp. 498—504, также Priestley и др.

знаетъ, что осуществленіе его невозможно, въ силу-ли внѣшнихъ положительныхъ препятствій и ограниченій, или въ силу ограниченности находящихся или могущихъ находиться въ его власти средствъ, необходимыхъ для осуществленія желательнаго. Ночной воръ, напримѣръ, можетъ очень сильно желать, чтобы скорѣе зашла луна, бѣднякъ можетъ сильно желать выигрыша 200,000, но, если они не сумасшедшіе, то не поставятъ скорѣйшее захожденіе луны или выигрышъ—цѣлью своихъ дѣйствій. Такимъ образомъ вопросъ о свободѣ дѣйствія или исполненія рѣшеній воли долженъ быть вовсе устраненъ изъ настоящаго изслѣдованія и остается только вопросъ о свободѣ рѣшенія воли, о свободѣ хотѣнія: свободно-ли рѣшается человѣкъ на такое или иное дѣйствіе, или нѣтъ? иначе: *самъ-ли сознательный* человѣкъ, какъ такой, есть послѣдній источникъ своихъ рѣшеній,—или-же его рѣшенія и хотѣнія даны ему, помимо его сознательнаго участія, готовыми, и сознаніе только узнаетъ ихъ, когда они ему даны, и человѣкъ такимъ образомъ хочетъ того или другого не свободно, а съ необходимостью, хотя, быть можетъ, и не сознаваемою имъ? Понятно, что только въ первомъ случаѣ человѣкъ можетъ считаться дѣйствительною причиною совершившагося согласно его волѣ дѣйствія, ибо самая рѣшимость его къ послѣднему—его собственное дѣло; во второмъ-же случаѣ онъ является только носителемъ хотѣній, данныхъ ему, помимо его, чуждыми и даже неизвѣстными ему причинами. Послѣднія, лежащія внѣ его сознанія и воли, уже и будутъ настоящими причинами, виновниками совершеннаго имъ дѣянія.

Только въ первомъ случаѣ человѣкъ и можетъ быть отвѣтственнымъ за совершенное дѣяніе передъ самимъ собою, какъ самосознающее, нравственное лицо*). Только когда онъ самъ признаетъ свое дѣйствіе за *свое* намѣренное, а не за навязанное ему извнѣ, путемъ физическаго-ли, психологическаго-ли принужденія, т. е. за чужое, можетъ онъ быть отвѣтственъ и передъ закономъ юридическимъ, ибо только въ этомъ случаѣ существуетъ необходимое условіе юридическаго вмѣненія: тожество дѣйствительнаго виновника совершившагося дѣйствія съ лицомъ, въ этомъ совершеніи обвиняемымъ. Во второмъ-же случаѣ этого тожества нѣтъ, ибо настоящая причина дѣянія—не обвиняемое самосознающее лице, а тѣ независящія отъ него, какъ самосознающаго, причины, которыя, по необходимому сцѣпленію, сложивъ въ его душѣ такое и не могшее быть инымъ, хотѣніе, привели его къ обсуждаемому дѣянію. Въ этомъ случаѣ отвѣтственность человѣка за свои дѣянія, награда и наказаніе были-бы лишены *внутренняго* основанія (основанія въ самомъ субъектѣ дѣйствія) и могли-бы прилагаться къ человѣку, только ради какихъ-либо внѣшнихъ цѣлей и чуждыхъ самому дѣлу соображеній, — напр. полезности общей

*) Совершенно ясна постановка вопроса у Th. Reid'a: si, en faisant l'action, l'agent avait le pouvoir de la vouloir ou de ne pas la vouloir, il a été libre dans cette action; mais si toutes les fois qu'il agit volontairement, la détermination de sa volonté est la conséquence nécessaire de quelque chose d'involontaire dans l'état de son esprit ou de quelque circonstance extérieure, il n'est point libre; il ne possède pas ce que j'appelle la liberté d'un agent moral (y. c. p. 185).

или личной, спокойствія общественнаго, дрессуры (которую не должно смѣшивать съ воспитаніемъ, дѣйствующимъ не извнѣ, а черезъ самосознаніе воспитываемаго)*) и т. п. Такимъ образомъ весь вопросъ сводится на то: даны-ли человѣку хотѣнія, изъ которыхъ вытекаютъ его дѣйствія, помимо его сознательнаго воленія, или-же они не даны ему, а поставлены *имъ*, имъ самимъ сдѣланы *своими* хотѣніями, повлекшими за собою дѣйствіе? Эти понятія: данное мнѣ и поставленное мною хотѣніе — нужно брать въ самомъ строгомъ смыслѣ; если извѣстное хотѣніе, черезъ какой-бы то ни было длинный рядъ промежуточныхъ звеньевъ, можетъ быть всецѣло сведено на данныя помимо воли и сознанія хотящаго человѣка причины,—то и самое хотѣніе должно быть признано не за поставленное человѣкомъ, а за данное ему слѣдствіе данныхъ, чуждыхъ ему (какъ сознающему себя дѣятелю) причинъ (ср. Liebmann, у. соч. стр. 38—39). Мы на это обстоятельство просимъ обратить особенное вниманіе, ибо слишкомъ часто, во всѣхъ литературахъ вопроса, можно встрѣтить выраженія, основанныя на упущеніи его изъ виду, и вовлекающія читателя въ заблужденіе, успокоивая его мнимыми объясненіями. Такъ напр. есть детерминисты, оправдывающіе вмѣненіе человѣку его дѣяній

*) И понятно, что при этомъ моментъ сознанія, вовсе не существененъ ни для вмѣненія, ни для наказанія. Нѣкоторые детерминисты прямо и говорятъ, что отъ преступника не требуется ни сознанія вины, какъ вины, ни сознанія наказанія, какъ наказанія за вину (напр. Sigwart см. выше). Но какъ тогда возможно исправленіе путемъ наказанія?!

на томъ основаніи, что-де онъ, а не кто другой совершилъ ихъ, какъ будто, если самъ онъ есть только необходимое слѣдствіе сложившихъ его такъ, а не иначе причинъ, настоящіе виновники совершившагося — не тѣ причины, нестрадающія и незнающія, а все-таки онъ, на долю кому приходится и все страданіе и все сознаніе вины (подобно напр. какъ если-бы кто призналъ причиною дня не солнце и землю,—а ночь!). Если все въ человѣкѣ,—и его физическая и его духовная природа, со всѣми ея наклонностями, стремленіями, понятіями, воленіями и т. под.—есть только продуктъ данныхъ независимо отъ его воли и сознанія причинъ, — если сознаніе принимаетъ въ себя только готовыя уже помимо его понятія наклонности и хотѣнія,—если такимъ образомъ всѣ безъ исключенія факторы сознательнаго дѣянія человѣческаго суть только слѣдствія нечеловѣческихъ, естественныхъ, космическихъ причинъ, и, въ концѣ концовъ, отдаленныя, но отъ того не ставшія менѣе необходимыми, слѣдствія одной послѣдней Первопричины, то, очевидно, нельзя назвать ни единаго хотѣнія человѣка поставленнымъ имъ, ни единаго мельчайшаго акта его — свободнымъ его актомъ. Хотя напр. хотѣніе, обусловленное моею физическою организаціею, темпераментомъ и т. под., и есть *повидимому* мое хотѣніе, — но оно не поставлено мною, такъ какъ причина его, особенность моей организаціи, также мало зависитъ отъ меня, какъ и фактъ моего рожденія, и физическія и нравственныя свойства передавшихъ мнѣ ихъ родителей моихъ; происшедшее изъ этихъ, не поставленныхъ мною причинъ, хотѣніе само

есть *данное* мнѣ, а не мое собственное. Но и не одна опредѣляемость воли особенностями тѣлесной организаціи ограничиваетъ понятіе свободы нашей въ области нашихъ хотѣній и рѣшеній воли. И духовная природа человѣка (такое или иное содержаніе его сознанія) вовсе не такова, чтобы и о субъектѣ не чисто-физическомъ, а духовномъ, можно было прямо сказать, что онъ свободенъ, потому только, что опредѣляясь своею духовною природой онъ опредѣляется не чѣмъ-либо чуждымъ ему, но самимъ собою,—собственною природой. Откуда эта его духовная природа, съ этой, а не другой опредѣленностью? Дана-ли она ему готовою,—при рожденіи, или путемъ независѣвшихъ отъ него причинъ и общихъ условій психическаго развитія, приведшихъ необходимо къ этому, а не другому результату, или путемъ его собственныхъ несвободныхъ, вызванныхъ данными причинами, дѣйствій, сложившихъ наконецъ посредствомъ повторенія, съ необходимостью, такія-то привычки мысли и чувства, такія-то направленія желаній? Если существуетъ единство природы безсознательной и сознательной, — если существуетъ и единство познающей мысли, единство законовъ и понятій (категорій), по которымъ она пріобрѣтаетъ знаніе о всѣхъ явленіяхъ,—принадлежатъ-ли они міру сознательнаго, или-же безсознательнаго;— то, говорятъ намъ, нужно признать, что и духовная природа, подобно физической, есть на всякой ступени своего бытія плодъ развитія данныхъ зачатковъ, среди данныхъ обстоятельствъ и условій, — и она, подобно всему сущему, имѣетъ опредѣленность, или данную ей

готовою, или-же необходимо развившуюся изъ данныхъ-же причинъ и необходимыхъ дѣйствій ихъ. Но съ этой точки зрѣнія и въ духѣ человѣческомъ, въ его сознаніи, мы не найдемъ ничего свободно поставленнаго человѣкомъ; — и духовный субъектъ, хотѣнія котораго опредѣлены только его духовною природой, будетъ несвободенъ, все содержаніе его нравственнаго сознанія будетъ необходимое слѣдствіе, или того, что было заложено въ его природѣ уже при рожденіи,— или-же того, что сложилось въ его душѣ путемъ зависѣвшаго не отъ его свободы психическаго развитія, воспитанія извнѣ и органическаго,—наконецъ, путемъ повторенныхъ дѣйствій его, сложившихъ въ немъ извѣстныя опредѣленныя нравственныя привычки (нравственный характеръ)—дѣйствій несвободныхъ, ибо они сами были вызваны не имъ, а въ концѣ концовъ независѣвшими отъ него, данными ему причинами.

Путемъ такого необходимаго психическаго процесса развитія, воспитанія—мало по малу, безъ малѣйшаго участія произвола, слагаются въ душѣ человѣческой, по мнѣнію детерминистовъ, опредѣленныя привычки мыслить и постоянные ряды связныхъ мыслей, изъ которыхъ однѣ всегда вызываютъ другія,—и опредѣленныя направленія желаній, и опредѣленная способность воспринимать вліянія извнѣ и реагировать на нихъ, — т. е. полная, совершенная духовная опредѣленность, опредѣленный нравственный характеръ. Когда характеръ этотъ вполнѣ опредѣлился,—то, какъ-бы ни были измѣнчивы условія, среди которыхъ онъ впослѣдствіи очутится,— онъ останется себѣ равнымъ, будетъ ассимилировать

себѣ сродныя вліянія и отталкивать инородныя, — вытекающій изъ него образъ дѣйствій будетъ всегда одинаковаго достоинства. Но тогда съ перваго-же раза видно, что крѣпость, опредѣленность такого, путемъ необходимыхъ психическихъ процессовъ развившагося характера, въ равной степени есть необходимая, данная человѣку, а не поставленная имъ, — будь она злая или добрая *). Качества: злой и добрый для естественно развившагося духовнаго характера внѣшни; не самъ онъ добръ или золъ, подобно прочимъ явленіямъ природы, но мы о немъ, съ нашихъ личныхъ точекъ зрѣнія, судимъ какъ о добромъ или зломъ для насъ. Такимъ образомъ прежде всего, если путь, которымъ слагается духовная опредѣленность человѣка,

*) Drobisch, признавая возможность твердаго характера, и добраго и злого, какъ слѣдствія извѣстнаго психическаго развитія, совершенно безуспѣшно старается доказать бо́льшую крѣпость добраго характера въ сравненіи съ злымъ, на томъ основаніи, что первый имѣетъ содержаніемъ своимъ хотѣнія, выдержавшія самую строгую и добросовѣстную пробу, и что—далѣе—какъ-бы ни былъ злой характеръ упоренъ въ злѣ, не имѣя никогда возможности вполнѣ заглушить голосъ совѣсти, онъ никогда не имѣетъ ничѣмъ ненарушимой внутренней устойчивости (Уп. соч., стр. рр. 80—82). Дробишъ забываетъ, что если человѣкъ никогда не можетъ заглушить голоса совѣсти, то никогда не можетъ онъ быть и вполнѣ свободенъ отъ всякихъ чувственныхъ влеченій, пока остается человѣкомъ; съ другой-же стороны совершенно произвольно предположеніе большей степени обсужденія, размышленія, какъ предусловія добраго характера въ противность злому, ибо Drobisch говоритъ самъ: böse ist nur der, welcher mit vollem Bewusstsein der Witersittlickeit seines Thuns, seiner besteren Einsicht Trotz bietet (a. a. O. p. 86).

таковъ, какъ описанный, то его духовная природа, сама по себѣ не есть ни добрая, ни злая, хотя-бы въ ней и заключались сложившіяся понятія о добрѣ и злѣ. Вѣдь и самыя эти понятія суть только естественно-необходимые, а слѣдовательно и *равно*-необходимые результаты психическаго развитія (необходимость не можетъ имѣть степеней, см. дальше), хотя эти результаты и различны у разныхъ индивидовъ, смотря по различію развитія! *) Сложившійся такимъ образомъ характеръ самъ по себѣ нравственнымъ названъ быть не можетъ; все его нравственное содержаніе не есть дѣло самого человѣка, не поставлено имъ, а дано ему извнѣ изъ чуждыхъ причинъ. И дѣйствительно, всякое, подобное указанному, пониманіе происхожденія духовной опредѣленности человѣка (пониманіе чисто-психологическое) беретъ самое понятіе о нравственномъ законѣ, о добрѣ и злѣ, не за принадлежащее человѣку по самому существу его (и слѣд. всеобщее и необходимое a priori), но за данное человѣку отвнѣ (и слѣд. эмпирическое, условное)**). Многіе думаютъ,

---

*) Очень ясно высказываетъ это Герценъ-сынъ: La liberté consiste à suivre les impulsions de la conscience,—mais c'est justement parceque la conscience n'est qu'un interprête, qu'elle ne peut et ne doit rien improviser (Physiolog. de la volonté p. 104). Подобный-же взглядъ мы встрѣтимъ и у Дж-Ст. Милля: if our so called consciousness of what we are able to do is not born out by experience, it is a delusion. It has no title to credence but as an interpretation of experience (Examin. 504).

**) Такъ напримѣръ Dittes прямо говоритъ, что нравственный законъ человѣку angebracht von Aussen (но тогда человѣкъ по суще-

что человѣчество никогда не стало-бы нравственнымъ, если-бы не обладало, въ началѣ развитія, слѣпымъ послушаніемъ, — другіе полагаютъ, что нравственность имѣетъ единственнымъ источникомъ историческое откровеніе (но если-бы нравственность только отсюда могла произойти, то большая часть рода человѣческаго не имѣла-бы истиннаго понятія о нравственности и всеобщаго критерія къ различенію истиннаго понятія о ней отъ ложнаго, а не имѣя его, не видно, какъ она его могла-бы и усвоить когда-нибудь. Мы не можемъ останавливаться на оцѣнкѣ внѣшняго отношенія нравственнаго качества къ характеру, къ духовной опредѣленности человѣка, какъ оно является въ изложенномъ рядѣ мыслей; укажемъ здѣсь только на то обстоятельство, что внѣшность этого отношенія возбуждаетъ слѣдующія сомнѣнія: на какомъ основаніи прилагаются къ естественно и необходимо-развившемуся характеру нравственные предикаты, не имѣющіе въ немъ самомъ необходимаго основанія? На какомъ основаніи прилагаются къ характеру, только особенному, индивидуальному (характеръ, какъ продуктъ естественнаго развитія, былъ-бы всегда индивидуаленъ) общіе

ству своему необходимо-нравственное лице, а если такъ, то какъ онъ могъ и извнѣ заимствовать дѣйствительно нравственный законъ?). Waitz (Lehrb. d. Psych. pp. 394 seqq) выводитъ образованіе представленій о добрѣ и злѣ изъ чувства уваженія къ авторитету законодателя (но тогда самъ законодатель откуда взялъ представленіе предписываемаго имъ низшимъ закона, какъ нравственнаго? изъ уваженія къ новому авторитету? и такъ до безконечности? (Ср. Bain. The em. a. the will p. 283).

нравственные критеріи? Откуда берется самъ внѣшній нравственный законъ, если онъ въ субъектѣ, подъ нимъ стоящемъ, не имѣетъ никакого основанія, и можетъ-ли при этомъ условіи нравственный законъ быть единымъ, всеобщимъ и сознаваемымъ, какъ безусловно-обязательный,—что̀ отъ нравственнаго закона, по его понятію, требуется? Теперь замѣтимъ еще, что въ изложенномъ рядѣ мыслей объ образованіи духовной природы человѣка, не можетъ быть рѣчи не только о нравственномъ характерѣ, но и о свободѣ дѣйствій такого характера; ибо по правилу: operari sequitur esse, всѣ отдѣльныя дѣйствія съ необходимостью будутъ вытекать изъ характера даннаго съ такою-то опредѣленностью, стоящаго въ такихъ-то условіяхъ,—гдѣ и условія даны человѣку готовыми, и во второмъ факторѣ, характерѣ, все необходимо дано ему, и нѣтъ ничего, поставленнаго имъ. Всѣ человѣческія хотѣнія (resp. дѣйствія), въ этомъ воззрѣніи суть слѣдствія какихъ-либо, опредѣленныхъ въ концѣ концевъ независимо отъ хотящаго человѣка, данныхъ причинъ; всякая такая причина будетъ-ли то нѣчто чуждое духу человѣческому, или же собственная его духовная природа, въ концѣ концевъ дана ему, сдѣлала его самого, мнимаго дѣятеля, такимъ, а не инымъ, опредѣлила его всецѣло именно въ этомъ данномъ направленіи. И не только крѣпость развившейся согласно этому воззрѣнію духовной опредѣленности человѣка, есть данная ему, независимо отъ него, естественнымъ, органическимъ процессомъ, крѣпость,—будь она добрая или злая; но и возможная попытка человѣка измѣнить свой характеръ сознательно есть

опять-таки совершенно необходимое слѣдствіе необходимо-данныхъ ему прежнимъ развитіемъ понятій о нравственномъ, — данныхъ чувствованій, дающихъ этимъ понятіямъ естественную *силу* побороть враждебныя, сдѣлаться мотивами,—и данныхъ-же возбужденій, являющихся поводомъ къ такой попыткѣ. Также необходимымъ слѣдствіемъ безличныхъ, данныхъ человѣку причинъ является и само сознательное ставленіе имъ себя въ такія, а не иныя условія, ради нравственныхъ цѣлей, ибо и эти цѣли, и ихъ значеніе, и сила для него, и поводы къ сознательному осуществленію ихъ,—все это не поставлено человѣкомъ, а дано ему. Такимъ образомъ въ изложенной, чисто психологической системѣ нѣтъ ни малѣйшаго мѣста понятію свободы; это—законченная система детерминизма, и нужно весьма сожалѣть, что многіе сознательные детерминисты легко вводятъ непосвященныхъ въ заблужденіе, говоря будто-бы за свободу, на основаніи приведенной, вполнѣ отрицающей ее, теоріи характера (напр. Drobisch въ Moralst. und Willenfr. pp. 58 seqq). Не желая слишкомъ грубо задѣть нравственныя убѣжденія и потребности читателя, часто пользуются словомъ, чтобы скрыть свою мысль; говорятъ, напр., о степеняхъ свободы и необходимости (не всякій-же читатель предполагается знающимъ логику!), о свободѣ исполненія вмѣсто свободы рѣшенія,—и подъ бандеролью ученія о свободѣ внушаютъ самый несомнительный детерминизмъ. Когда напр. Dittes отождествляетъ Freiheit съ мало по малу развивающимся характеромъ, съ происхожденіемъ, по законамъ причинной необходи-

мости, einer immer klareren Sammlung des Geistes, eines immer festeren Kernes der Persönlichkeit,—когда единственно возможную свободу человѣка онъ видитъ въ томъ, что его собственная природа достигла настолько твердой опредѣленности, что можетъ противостоять измѣняющимся внѣшнимъ условіямъ и оставаться равной себѣ при всевозможныхъ колебаніяхъ послѣднихъ *),— то онъ злоупотребляетъ словомъ, обозначая имъ совершенно неподходящее понятіе (подобно напр. Бэну, видящему здѣсь самоопредѣленіе единственно-возможное, см. The em. a. the will p. 508) и заставляетъ несвѣдущаго читателя думать, что его психологическій детерминизмъ есть ученіе о нравственной свободѣ. Въ чемъ можетъ состоять свобода для воззрѣнія, признающаго, что wenn das Ich zum Bewusstsein seiner selbst kommt, findet es gewisse Triebfedern zur Bethätigung bereits in sich, und ebenso gewisse Umstände zur Anregung und Anwendung dieser Triebfedern ausser sich (у. с., стр. 22)? Всѣ факторы дѣянія человѣческаго вѣдь здѣсь даны человѣку, а не поставлены имъ! И развѣ возможно, далѣе, считать ученіемъ свободы то ученіе, которое подъ свободою разу-

*) Freiheit weist stets auf ein Verhältniss zwischen Handlungen und Wollungen, und zwar ist dieses Verhältniss so wohl ein negatives, nämlich Unabhängigkeit von Bestimmungsgründen, welche ausserhalb des Willens liegen, als auch ein positives, nämlich wirkliche Bedingtheit des Thuns und Lassens eben durch den Willen. Der ist der Freieste, der thun kann, wass er will, und lassen kann, was er nicht will (у. соч. 11).

мѣетъ не свободу въ ставленіи хотѣній, а свободу исполненія несвободныхъ хотѣній?! Только послѣднюю признаетъ напр. Dittes *), но ее же признаютъ и самые безусловные детерминисты, какъ напримѣръ Hobbes, Priestley, Spinoza **). Вопросъ о свободѣ здѣсь замѣняется вопросомъ о мощи, которой поставлено болѣе или менѣе ограниченій, изнутри-ли, извнѣ-ли. Также мало оправдано въ воззрѣніи психологическаго детерминизма и опредѣленіе естественно-развившагося характера, какъ нравственнаго или безнравственнаго; эти опредѣленія въ естественно-сложившемся и продолжающемъ существовать по тѣмъ-же законамъ причинности характерѣ — внутренняго, необходимаго основанія не имѣютъ ***). Какъ общія формы, онѣ человѣку angebracht von Aussen,—какъ естественные-же продукты индивидуальнаго психическаго развитія, нравственныя понятія только субъективно-необходимы, будь они самыя чистыя, или самыя дикія. Оцѣнка возраженій противъ свободы, какъ чистой не-опредѣлен-

---

*) Ср. также Drobisch. Moralst. u. menschl. Willensfr. p. 69, гдѣ говорится, что man wird die Unterordnung des Willens unter die Einsicht immer noch Freiheit, nämlich sittliche Freiheit nennen können, denn sie macht den Willen von andern als sittlichen Motiven unabhängig, und ist eine Selbstbestimmung, zwar nicht des Willens, wohl aber des Menschen, als Person, etc.

**) Напр. у Спинозы: ea res libera dicitur, quae ex sola suae naturae necessitate existit et a se sola ad agendum determinatur (Eth. p. I, def. VII, ср. еще примѣры у Th. Reid y. c. ed. Jouffroy T. VI pp. 189 seq.)

***) Ср. Schopenhauer: Die beiden grundpr. d. Eth. s. 4 fl.

ности воли ничѣмъ даннымъ ей,—въ ней-ли самой, или внѣ ея, — здѣсь не у мѣста, такъ какъ мы здѣсь даемъ только общую характеристику детерминизма, его пріемовъ и предположеній. Здѣсь намъ нужно только подтвердить, что если самое содержаніе выражающагося въ дѣйствіи *я*,—всѣ его хотѣнія, понятія, сужденія, наклонности несвободны, не ставятся имъ, а даны ему, то свободы *вовсе нѣтъ*, ибо нельзя назвать свободою,—а тѣмъ болѣе нравственною свободою, — возможность осуществленія, за отсутствіемъ внѣшнихъ или внутреннихъ препятствій, несвободнаго хотѣнія или рѣшенія воли *). Такая „свобода“ можетъ быть и у камня, а не у однихъ нравственныхъ существъ. Въ детерминизмѣ психологическомъ слово свобода вовсе не должно-бы встрѣчаться,—а всякій детерминизмъ, чтобы быть полнымъ, долженъ обосновывать свою теорію хотѣній психологически. Исходя изъ предположенія единства міра, единства законовъ (причинности), царящихъ въ области безсознательной, такъ-же какъ и сознательной, и единства мысли, постигающей все сущее, безъ исключенія, *подъ однѣми и тѣми-же* категоріями,—детерминизмъ объясняетъ и развитого человѣка, съ готовымъ нравственнымъ и интеллектуальнымъ содержаніемъ, изъ причинъ его развитія, какъ ихъ естественно-необходимый продуктъ. Затѣмъ въ дѣятельности уже развитого сознательнаго субъекта (на основаніи предположенія единства) онъ видитъ опять

*) Ср. напр. Hume. Untersuch ub. d. menschl. Verst, изд. Kirchmann'a, p. 84—86.

только тѣ-же законы причинности, тѣ-же категоріи необходимаго сцѣпленія, условности, какъ и въ сферахъ до-и безсознательнаго *). Онъ такимъ образомъ выводитъ сознаніе, съ его содержаніемъ и способомъ дѣятельности, изъ безсознательнаго, — высшее, позднѣйшее всецѣло сводитъ на раннее, предшествующее. Обративъ вниманіе читателя на эти предположенія и черты детерминизма, въ критикѣ которыхъ и должна состоять вся критика детерминизма, перейдемъ къ характеристикѣ противоположныхъ ученій трансценденгальной свободы.

---

*) Какъ напр. у Спинозы, или у Лейбница, котораго напрасно выдѣляютъ изъ сонма детерминистовъ. Стоитъ всмотрѣться въ такія положенія его, какъ напр: Tout est lié dans chacun des mondes possibles,—l'univers, quel qu'il puisse être, est tout d'une pièce, comme un océan; le moindre mouvement y étend son effet à quelque distance que ce soit (Théod. издан. для baccalauréat p. 296). Le parti, vers lequel la volonté est plus inclinée, ne manque jamais d'être pris... quand on parle de la plus grande inclination de la volonté, on parle du resultat de toutes les inclinations (ibid. p. 319). Tout est certain et déterminé d'avance dans l'homme, comme partout ailleurs, et l'âme humaine est une espèce d'automate spirituel (ibid. p. 325) и др. мѣста, или наприм. Summa etiam libertas est, ad optimum recta ratione cogi. Qui aliam libertatem desiderat, stultus est... In nullius patestate est, velle quae velit; et si interdum posse quae velit, tamen nemo optat hanc libertatem volendi, quae velit, sed potius volendi optima... Hinc sequitur, quicquid factum est, fit, aut fiet optimum, ac proinde necessarium esse и т. п. (Leibnitz, изд. Тренделенбурга. p. 189—191, въ Hist. u. Krit. Beitr. I). Notre opinion et notre acte de vouloir ne sont pas directement les objects de notre volonté (op. c. p. 336) и др.

IV.

Детерминизмъ приходитъ къ отрицанію свободы, показывая, что все духовное содержаніе сознательнаго субъекта дано ему,—что и сознательный субъектъ мыслитъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ по тѣмъ-же законамъ необходимой причинной связи, по которымъ сложилась безсознательно его духовная природа. Гдѣ-же теперь искать возможности свободы, какими средствами спасти ее? Остается повидимому только два пути для этого: или, отрицая основное предположеніе детерминизма, показать, что сложившись однажды безсознательнымъ, причиннымъ путемъ, пріобрѣтя извѣстное умственное и нравственное содержаніе, а именно не одни представленія предметовъ, но и представленія законовъ и цѣлей, какъ своихъ,—сознаніе человѣка затѣмъ уже дѣйствуетъ не по типу закона причинности, не по категоріямъ безсознательнаго,—но совершенно иными, новыми путями, имѣющими основаніе въ его отличительныхъ свойствахъ, какъ сознанія, и притомъ личнаго сознанія;—или-же признать, что, хотя законы дѣятельности развитого сознанія принадлежатъ къ тому-же типу, какъ и законы безсознательнаго, но нравственная опредѣленность развитого личнаго сознанія не дана человѣку безсознательными процессами психическаго развитія, а изначала поставлена себѣ самимъ субъектомъ, до вступленія его въ міръ явленій, подлежащихъ закону причинности и развитію въ пространствѣ и времени. Второй путь и есть путь ученій трансцедентальной свободы.

Разсмотримъ сначала первый изъ указанныхъ исходовъ. Дѣйствительно-ли духовная природа человѣка сознательнаго есть нѣчто *со всѣхъ сторонъ и совершенно-опредѣленное* и опредѣляемое по законамъ причинности, подобно прочимъ объектамъ? Дѣйствительно-ли нѣтъ въ сознаніи человѣческомъ такого индифферентнаго пункта, который никогда не былъ-бы съ необходимостью опредѣленъ другимъ, относился-бы ко всякой частной опредѣленности какъ къ чуждой ему, случайной, и могъ-бы поэтому служить нашедшему его человѣку точкою опоры для сознательнаго противодѣйствія всякой другой возможной частной опредѣленности, для снятія ея, откуда-бы она ни была дана ему? Если-бы такой индифферентный пунктъ былъ данъ въ сознательной природѣ человѣка, если-бы была дана съ нимъ возможность сознательнаго противодѣйствія всякой возможной опредѣленности,—тогда отсутствіе противодѣйствія, дѣйствительная опредѣленность духа чѣмъ-нибудь, была-бы уже не просто данною ему опредѣленностью (такъ какъ сознаніе могло-бы и противодѣйствовать этой опредѣленности, какъ чуждой тому индифферентному пункту), но и сознательно-принятою имъ, свободно поставленною. Повидимому такой пунктъ въ развитомъ сознаніи есть,—именно сознаніе единаго Я, для котораго всѣ его частныя мысли, чувства и стремленія въ равной степени суть только объекты его, несущественные для него самого, въ его всеобщности, единствѣ и индифферентности относительно этихъ частныхъ и не исчерпающихъ его въ своей частности опредѣленій,—т. е. *самосознаніе*. Съ самосознаніемъ, такимъ

образомъ, дана повидимому человѣку возможность свободно — потому-что *объективно* — относиться къ своимъ хотѣніямъ, ставить свои мысли и хотѣнія, а не брать ихъ готовыми, какъ они даны ему помимо его выбора,—отъ себя придавать имъ силу и значеніе и т. п. *) Но здѣсь-же тотчасъ являются, повидимому, и нѣкоторыя логическія несообразности и противорѣчія. Если самосознаніе,—сознаніе человѣкомъ себя какъ единаго и всеобщаго носителя всѣхъ своихъ мыслей и хотѣній, даетъ человѣку возможность относиться объективно къ этимъ

---

*) Въ самосознаніи, въ способности сознанія раздвояться, относиться къ себѣ, какъ своему объекту,—относиться ко всему своему содержанію (мыслямъ, чувствамъ и хотѣніямъ) объективно—и видятъ иные основаніе свободы человѣка въ сферѣ своихъ хотѣній,—такъ напр. Кавелинъ въ „Задачахъ психологіи“ и полемикѣ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ (Психолог. кр. В. Е. 75 годъ). Но мало простой ссылки на фактъ „сознанія сознанія“, на способность души раздвояться и относиться объективно къ своему сознательному содержанію,—для дѣйствительнаго объясненія возможности и дѣйствительности свободы воли. Нужно показать: какъ можетъ сознаніе выйдти изъ этого объективнаго, индифферентнаго ко всякому своему частному содержанію, состоянія?—какъ оно можетъ остановиться на одной изъ многихъ, безразличныхъ для него, мыслей, не опредѣляясь къ этому ничѣмъ отвнѣ, т. е. съ необходимостью?—нужно указать основанія *самоопредѣленія* сознанія и объяснить, почему эти основанія, оставаясь основаніями опредѣленій сознанія, не уничтожаютъ ихъ свободнаго характера, его самоопредѣленія. Но Кавелину было невозможно отвѣтить на эти вопросы, при его понятіяхъ о методѣ изученія явленій сознанія,—при его предположеніи, что и личное сознаніе (сознаніе сознанія, объектъ для себя) стоитъ подъ категоріею причины и можетъ быть изучено помощью основоположеній знанія о предметахъ (объектахъ не для себя самихъ, а для другого).

своимъ мыслямъ и хотѣніямъ, быть индифферентнымъ относительно ихъ, хотя на самое короткое время,—то отъ чего зависитъ такой или иной выходъ человѣка изъ этого индифферентнаго, объективнаго отношенія къ сознаваемымъ имъ, какъ свои, мыслямъ и хотѣніямъ? Отъ чего зависитъ выборъ имъ такого, а не иного хотѣнія,—такая или иная опредѣленность, которую индифферентное *я* даетъ себѣ? Если „я“ *по природѣ* и безусловно индифферентно, то въ томъ случаѣ, когда оно получаетъ опредѣленность, оно можетъ получать ее не отъ себя, а только отвнѣ (вслѣдствіе напр. привходящаго новаго мотива, дающаго перевѣсъ одному изъ данныхъ уже сознанію);—какъ индифферентное, оно не имѣетъ внутренняго отношенія ни къ какой опредѣленности своей, и всякая опредѣленность его такимъ образомъ не имъ опять-таки поставлена. Если духъ вообще не есть что-либо опредѣленное, то въ немъ и нѣтъ основаній какой-бы то ни было опредѣленности, по правилу operari sequitur esse. Конечно, это ставящее насъ здѣсь въ тупикъ правило „operari sequitur esse“—заимствованное изъ міра безсознательныхъ, данныхъ всегда съ *частною опредѣленностью причинъ*, мы примѣняемъ къ личному сознанію, ко всеобщему, формальному *я*, основываясь только на *предположеніи* о единствѣ въ объективномъ и субъективномъ мірѣ, мысли и ихъ законовъ. Руководимые этимъ предположеніемъ, мы и къ личному сознанію обращаемся съ тѣмъ-же вопросомъ, съ которымъ мы уже привыкли обращаться къ предметамъ міра безсознательнаго, т. е. съ вопросомъ: *отъ чего* личное сознаніе получило такую-то опредѣленность, произвело такой-то

выборъ между своими представленіями и стремленіями? Быть можетъ, если-бы мы отрѣшились на минуту отъ указаннаго предположенія и допустили-бы, что личное сознаніе не все дѣлаетъ *отчего*, а что-либо дѣлаетъ и *ради-чего*, зная, что оно это дѣлаетъ для *своей цѣли*, то указанное затрудненіе приняло-бы совершенно другой видъ. Можетъ быть оно заставило-бы насъ заняться совершенно непохожимъ на объективныя изслѣдованія по закону причинности—изслѣдованіемъ личнаго сознанія, его особыхъ категорій, способовъ дѣйствія,—особаго отношенія его къ сознаннымъ имъ, какъ свои, цѣлямъ,—вѣроятно нѣсколько иного, чѣмъ отношеніе его-же къ тому, что сознается имъ, какъ данная ему и дѣйствующая независимо отъ него причина и т. под. Можетъ быть и дѣло тогда рѣшилось-бы иначе.

Но предположеніе однажды существуетъ и крѣпко засѣло въ умахъ, a einmal ergriffen, wollen die Meisten nicht mehr geheilt sein, какъ говоритъ Herbart (Bd. I. 199). На вопросъ: „отъ чего“ происходитъ такая или иная опредѣленность сознанія, если оно по природѣ индифферентно,—отвѣта нѣтъ,—а потому передъ нами стоитъ логическая невозможность, и первый изъ указанныхъ нами путей спасенія свободы закрытъ. Противъ него говорятъ и другія логическія затрудненія,—все съ той-же точки зрѣнія. Здѣсь всему основаніемъ дилемма: сознаніе или индифферентно, или опредѣлено, т. е. есть сознаніе данное себѣ какъ всецѣло опредѣленное. Самое состояніе индифферентности *я*, разсуждающаго свободно, выбирающаго между будущими хотѣніями, въ отдѣльности и теперь для него еще безразличными, представляется

невозможнымъ. Представляется невозможнымъ вопросъ о свободѣ хотѣній, ибо эта свобода, выборъ между хотѣніями, предполагаетъ у человѣка хотѣніе хотѣнія, но послѣднее само непонятно, если ему не предшествовало хотѣніе хотѣнія хотѣнія и такъ до безконечности *); non velle volumus, sed agere, и понятіе velle velle **)—нелѣпо, и вопросъ можетъ быть только о свободѣ дѣйствія, а не хотѣнія. Останавливаясь передъ этой логической невозможностью „хотѣнія хотѣнія", упускаютъ изъ виду, что мы слишкомъ часто навязываемъ предмету грѣхъ нашей мысли о немъ, что „хотѣніе хотѣнія" съ его мнимымъ regressus ad infinitum, совершенно аналогично возбуждающему столько сомнѣній и вопросовъ „сознанію сознанія", и что, слѣдовательно, если сознаніе сознанія есть дѣйствительный, несомнѣнный и необходимый фактъ, то таковымъ-же является и хотѣніе хотѣнія, которое есть только выраженіе сознанія необходимости хотѣть чего-либо и дѣйствовать какъ-нибудь. Но ни „сознаніе сознанія", ни „хотѣніе хотѣнія" ***), представляющіе случаи, гдѣ нѣчто яв-

*) Это разсужденіе принадлежитъ еще Hobbes'у и постоянно приводится въ доказательство того, что возможенъ только вопросъ о свободѣ *дѣйствовать* сообразно хотѣнію, но не вопросъ о свободѣ хотѣть (ср. у Schopenhauer'а въ Die beid. Grundpr. d. Eth. pp. 63 ff.).

**) Утверждающіе возможность хотѣнія хотѣнія — ne sortiront jamais d'affaire, sans avouer, qu'il y a une prédétermination dans l'état antécédant de la créature libre, qui l'incline à se déterminer (Leibnitz Théod. 323), ср. также Hume (у. с. 1. 87). См. Drobich Moralst. p. 61, и вообще Гербартіанцевъ.

***) Оба явленія принадлежатъ только сферѣ личнаго сознанія

ляется объектомъ самому себѣ, т. е. дѣйствіемъ самого себя, никакъ не могутъ войдти въ міровоззрѣніе, признающее своей верховной и безусловно-всеобщей категоріей—категорію причины. Они не входятъ въ міровоззрѣніе, привыкшее имѣть дѣло съ объектами, которые суть объекты не для себя, а для другого (объекты дѣйствія внѣшнихъ имъ предметовъ, объекты мышленія внѣшняго имъ сознанія), которые опредѣляются другимъ, а не опредѣляютъ себя. Подводя и личное сознаніе (объектъ для себя, самосознаніе), съ его способами дѣйствія, подъ понятіе объекта для другого, получающаго опредѣленность отвнѣ (отъ частно-опредѣленнаго и также отвнѣ опредѣленнаго и т. д. до безко-

(самосознающаго), объективная природа не представляетъ нигдѣ подобнаго самораздвоенія предмета, для-себя бытія его, гдѣ предметъ есть объектъ для самого себя-же; въ мірѣ безсознательномъ (без-личносознательномъ) предметы существуютъ только изъ другого, черезъ другое и въ другомъ, что̀ и составляетъ ихъ условность, недопускающую исключеній, - они объекты не для себя, а для другого, или воздѣйствующаго на нихъ (въ причинномъ ряду) или мыслящаго о нихъ. Повидимому, такое коренное различіе между предметами изслѣдованія, какъ указанное различіе между личнымъ (для-себя-сущимъ) сознаніемъ и объектами безличнаго міра—должно-бы навести на вопросъ: возможно-ли изучать ихъ по одной и той-же категоріи причинности? Не есть-ли эта категорія—чисто объективная, примѣнимая только къ предметамъ, которые суть объекты только для внѣшняго имъ, и опредѣленность которымъ дается только отвнѣ, другимъ, — и непримѣнимая къ личному сознанію, которое (пока оно разсматривается какъ личное) есть объектъ не для другого, а только для себя? И подъ какою-же категоріею можетъ быть изучаемо личное сознаніе, если категорія причинности къ нему непримѣнима?

нечности),—съ этой-же точки зрѣнія разсуждаютъ такъ: если духъ не есть что-либо, имѣющее опредѣленность готовую, данную ему, но самъ себя опредѣляетъ, то каковы основанія этого самоопредѣленія, откуда оно можетъ взяться? Изъ какой-либо данной имъ себѣ раньше опредѣленности?—но тогда тотъ-же вопросъ повторится и относительно основаній этой прежней опредѣленности, и такъ до безконечности. Нужно, поэтому, или вовсе отказаться отъ понятія самоопредѣленія, какъ немыслимаго, или-же должно признать въ духѣ опредѣляемость безъ основаній, — чистое ничто, нѣчто не мыслимое.

Чтобы выйдти изъ всѣхъ этихъ затрудненій (происходящихъ, какъ указано, изъ разсмотрѣнія личнаго сознанія наряду съ безсознательными предметами, по тѣмъ-же категоріямъ и вопросамъ), — чтобы устранить необходимость какого-либо необходимо-даннаго внѣ личной воли (какъ это требуется всеобщностью понятія причины) основанія ея опредѣленій, уничтожающаго ея свободу,—чтобы уйти отъ отрицающихъ эту свободу законовъ причинности, царящихъ въ мірѣ явленій (будто-бы безъ исключенія),— остается только признать свободу, самоопредѣленіе, за первоначало, за Urthat, предшествующее всякой возможной опредѣленности (а слѣд. и самому міру явленій съ его всеобщей условностью и причинностью), и впервые ставящее всякую возможную опредѣленность. Допустивши такое перводѣйствіе, мы должны признать *его* за начинающее отъ себя цѣлый рядъ опредѣленій, изъ которыхъ всякое само-по-себѣ уже несво-

бодно, а есть только необходимое слѣдствіе однажды даннаго волѣ тѣмъ перводѣйствіемъ опредѣленія,—такъ называемаго интеллигибельнаго характера. Рядъ несвободныхъ частныхъ хотѣній, выражающихъ этотъ поставленный перводѣйствіемъ свободы (внѣ и до явленія) интеллигибельный харектеръ, принадлежитъ уже міру явленій и, какъ несвободный (результатъ даннаго интеллигибельнаго характера, въ данныхъ условіяхъ подъ ихъ опредѣленіемъ обращающагося въ эмпирическій), не противорѣчить царящему здѣсь закону необходимости, причинной связи. Всякое отдѣльное „являющееся“ дѣйствіе представляется здѣсь необходимымъ слѣдствіемъ данныхъ причинъ: мотивовъ, съ одной стороны,—и съ другой, реагирующаго на нихъ такъ или иначе, сообразно своей опредѣленности, характера. Самый-же характеръ этотъ получилъ опредѣленность свою (добрую или злую) отъ совершившагося внѣ міра явленій, *единожды на всегда*, первоначальнаго самоопредѣленія свободы. Такимъ образомъ ученіе трансцендентальной свободы относитъ послѣднюю къ области нуменовъ, въ явленіи-же (отдѣльныя хотѣнія, resp. дѣйствія) признаетъ подобно ученію детерминизма, безусловное царство необходимости, и закона причинности. Свобода, самоопредѣленіе здѣсь есть только одинъ, неповторяющійся болѣе, актъ, опредѣляющій затѣмъ уже все направленіе жизни, дѣйствительно являющейся какъ нѣчто необходимое. Это ученіе трансцендентальной свободы, основателемъ котораго почитается Кантъ *),

*) Хотя, при желаніи отыскивать слѣды мыслей новыхъ въ древ-

имѣло затѣмъ главныхъ представителей въ лицѣ Шеллинга и Шопенгауера.

Сравнивая ученіе трансцендентальной свободы съ ученіемъ детерминизма, мы найдемъ между ними, какъ это ни странно, весьма много общихъ чертъ. Прежде всего очевидно, что ни то, ни другое не говоритъ о свободѣ, составляющей вопросъ, т. е. о свободѣ хотѣній: ученіе детерминизма признаетъ возможнымъ только вопросъ о свободѣ дѣйствія, исполненія, — ученіе-же трансцендентальной свободы установляетъ только понятіе о свободѣ бытія неизмѣннаго характера съ такой или иной опредѣленностью *). На основаніи обоихъ ученій, человѣку вмѣняются не его отдѣльныя дѣянія, а самое *бытіе* его характера, такъ или иначе неизмѣнно направленнаго. Притомъ—субъекту сознательному (который именно и есть обвиняемый агентъ) вмѣняются дѣйствія причинъ, лежащихъ внѣ его сознанія,—безсознательныхъ (въ психологическомъ детерминизмѣ, гдѣ самое сознаніе со всѣмъ своимъ содержаніемъ, является необходимымъ продуктомъ безсознательнаго развитія), или досознательныхъ (въ ученіи трансцендентальной свободы, актъ которой совершается внѣ времени и до сознанія). Очевидно, при этомъ, во

нихъ гаданіяхъ, можно найти намеки на это ученіе еще въ древности (напр. у Платона, въ разсказѣ Памфильца, въ X кн. „Государства“) и у нѣкоторыхъ отцевъ церкви (напр. у блаж. Августина). Ср. истор. очеркъ Шопенгауэра въ его соч. „о свободѣ воли“.

*) На неизмѣнности его особенно настаиваетъ Schopenhauer (у. с. р. р. 50—51), признавая возможность измѣненія не въ направленіи желаній, а въ выборѣ средствъ осуществленія.

1-хъ), что для вмѣненія, и съ той и съ другой точки зрѣнія, нѣтъ условія тожества лица судимаго (сознающаго себя субъекта) съ дѣятелемъ, совершившимъ дѣйствительно дѣяніе (безсознательныя причины и внѣсознательный актъ трансцендентальной свободы); *) во 2-хъ, что оба ученія совершенно напрасно ставятъ условіемъ вмѣненія дѣянія его сознательность. Въ детерминизмѣ это условіе несущественно, такъ какъ сознаніе ничего само свободно не ставитъ, а всѣ свои опредѣленія получаетъ готовыми изъ міра безсознательнаго; въ ученіи-же трансцендентальной свободы оно по тому несущественно, что направленіе всѣхъ актовъ сознанія опредѣлено опять-таки не имъ-же, но актомъ, лежащимъ внѣ и до его, и о которомъ наше личное сознаніе (рѣшившееся на дѣйствіе) не имѣетъ никакого воспоминанія, никакого представленія. Да и какимъ образомъ было-бы возможно сознаніе человѣка о сверх-и до-сознательномъ актѣ свободы своей, давшемъ его характеру эту, а не другую опредѣленность,—если вообще само сознаніе произошло лишь вслѣдствіе этого акта? Если-же сознательность дѣянія для этого ученія, при вмѣненіи, несущественна, то несущественна и сознательность дѣятеля; вмѣненіе, нравственность должна распространяться и на міръ безличный, безсознательный, стихійный; наказаніе преступника ничѣмъ не

*) Если воля перваго довременнаго акта, опредѣлившаго направленіе моей дѣятельности, не сознается мною при совершеніи такого отдѣльнаго дѣйствія, то она и не есть воля, совершившая это сознательное мое дѣйствіе,—она есть чужая воля (ср. по этому поводу Passavant стр. 58 и 69 въ у. с. и Liebmann (у. соч. р. 68).

отличается отъ убіенія ядовитаго животнаго, заключенія бѣшенаго и т. под. Отъ этихъ слѣдствій, лишающихъ нравственное сужденіе, вмѣненіе, награду и наказаніе внутренняго основанія въ самомъ подлежащемъ имъ лицѣ,—уничтожающихъ самое понятіе нравственнаго лица, уйти не могутъ оба ученія, хотя ученіе трансцендентальной свободы главнымъ образомъ и родилось изъ старанія отстоять свободу, какъ необходимое условіе нравственности (еще напр. у блаж. Августина). Далѣе, въ обоихъ ученіяхъ не можетъ быть рѣчи о свободѣ нравственной; опредѣленія „доброе и злое“ въ обоихъ для самой сознательной воли внѣшни, несущественны.

Всѣ эти слѣдствія, отъ которыхъ не могутъ уйти ни ученіе детерминизма, ни ученіе трансцендентальной свободы совершенно противны цѣлямъ великаго основателя послѣдняго, Канта,—именно подвинутаго къ созданію этого ученія потребностями нравственной системы. Должно, впрочемъ, замѣтить здѣсь, къ чести Канта, что для него все ученіе трансцендентальной свободы, будто-бы нужное для цѣлей нравственности, и сохраняло всегда значеніе только *постулата* практическаго разума, что онъ самъ его не принималъ за оправданную передъ наукою, передъ теоретическимъ разумомъ концепцію, какъ сдѣлали продолжатели этого ученія, Шеллингъ и Шопенгауэръ. Чтобы заключить характеристику этого ученія, напомнимъ опять читателямъ, что къ нему пришли его творцы, вслѣдствіе убѣжденія въ необходимости свободы воли, при сохраненіи предположенія, на которомъ основывается и детерминизмъ,—пред-

положенія о всеобщности закона необходимой причинной связи въ мірѣ явленій, будь они явленія міра безсознательнаго, или явленія личнаго сознанія. Оба ученія сохраняютъ предположеніе, что и къ личному сознанію можно обращаться съ тѣми-же вопросами, изучать его по тѣмъ-же категоріямъ, какъ и прочіе объекты природы, несмотря на его отличительное отъ нихъ свойство: быть объектомъ не только для другого (какъ нужно для подведенія подъ понятіе причинности), но и объектомъ для себя самого. Впрочемъ, это предположеніе о всеобщности закона необходимой причинной связи повидимому не очень строго сохранялось у учителей трансцендентальной свободы, потому что они между прочимъ опираютъ свое ученіе и на несостоятельность понятія причинности, если брать его въ его всеобщности, denn es wird dadurch eine unbestimmte Reihe von Ursachen gesezt,—откуда и предположеніе свободы, какъ первопричины, которую нельзя указать въ явленіи, но за бытіе которой въ мірѣ нуменовъ намъ ручается нравственный законъ. Однако свобода, которую они признаютъ, т. е. первопричина, лежитъ *внѣ* міра явленій, а слѣдовательно *для него* не исправляетъ и не пополняетъ понятія причинности *). Внѣ-міровая свобода

*) Резюме прекрасной критики этого Кантова ученія у Sigwart'a таково: Für diese lag eine Hauptschwierigkeit darin, dass sie die moralische Seite oder das moralische Element des empirischen Menschen aus dem intelligibelen Acte der Freiheit des Ich, die anderen Seiten oder Elemente aber aus der Gemeinschaft mit der vom Dinge an sich ausgehenden Erscheinungswelt ableitete; dahin gehört die ganze sinnliche Seite des Ich... Sie (теорія) bekommt, auf diese Weise,

не дѣлаетъ понятія причины *не-всеобщимъ* для міра явленій, и въ этомъ мірѣ законъ причинности обѣими сторонами признается за всеобщій, quand-même довлѣющій себѣ; подъ него подводятся всѣ явленія міра и личное, для себя сущее, сознаніе.

Противорѣчіе между двумя очерченными образами мыслей, подъ условіемъ общаго исходнаго предположенія,— абсолютно; ничто посредствующее невозможно (напр. подобное ученію Лейбница, ср. Schopenhauer, уп. соч. р. 15). Все равно, приметъ-ли детерминизмъ за первую данную опредѣленность, изъ которой необходимо вытекаетъ все дальнѣйшее направленіе хотѣнія, эмпирическую природу человѣка при рожденіи, съ унаслѣдованными свойствами (будетъ-ли это эмпирическій детерминизмъ), — или-же, не останавливаясь на этой ступени, пойдетъ далѣе и возведетъ направленія воли, какъ необходимыя слѣдствія, къ первопричинѣ всего сущаго (абсолютный детерминизмъ)—степеней необхо-

---

zwei Reihen von Erscheinungen, in dem empirischen Leben des Ich, die von verschiedenen, von einander unabhängigen Anfangspuncten ausgehen; und dadurch nicht geeinigt werden können, dass jede— nach dem Gesetz der Causalität verläuft, indem damit nur ein zufälliges zusammensein gegeben ist (*Sigwart* a. a. O. p. 203). Шеллингъ-же, перенося трансцендентальный актъ свободы въ начало міросданія, только увеличиваетъ затрудненіе: jener Act, jene That der Freiheit wird dadurch in das Gebiet des *unpersönliehen* versetzt (ibid.) Замѣтимъ отъ себя, что въ послѣдней ошибкѣ, которой мы не находимъ у Канта, виновенъ и Schopenhauer. Противъ Шопенгауерова ученія трансцендентальной свободы спеціально написана книга Liebmann'a (d. indiv. Bew. der Freih. d. Will.), а противъ Шеллингова—книга Bockshammer'a (die Freiheit des menschlichen Willens).

димости для детерминизма не можетъ существовать, такъ-же какъ и ни малѣйшаго допущенія свободы. Точно также не существуетъ и степеней свободы для ученій трансцендентальной свободы (ср. Sigwart у. соч., рр. 118—119, 183 и др.). Можно говорить о болѣе или менѣе широкихъ сферахъ (предѣлахъ), въ которыхъ вообще или въ данномъ случаѣ проявляется безусловная необходимость или безусловная-же свобода; но нельзя говорить о неполной необходимости или свободѣ хотѣній *). Это было-бы самопротиворѣчіемъ, ибо неполная (имѣющая степени) свобода значила-бы: свобода, опредѣленная не собою одной, а и чѣмъ-либо другимъ, чуждымъ ей,—такая свобода была-бы не — свобода, не — самоопредѣленіе; неполная-же (бо́льшая или мѐньшая) необходимость означала-бы необходимость не всецѣло опредѣленную,—ненеобходимость. Не можетъ быть поэтому и рѣчи о свободѣ, которая у одного была-бы сильнѣе, у другого-же — слабѣе; такая свобода обозначала-бы годящуюся, подъ этимъ названіемъ, только въ систему детерминизма крѣпость даннаго психическимъ развитіемъ характера. Свободы хотѣній условной, такимъ образомъ, нѣтъ,—также какъ и условной необходимости ихъ. Наконецъ, если свобода — абсолютная—и не прямая причина являющихся дѣйствій, а первая причина, опредѣляющая характеръ, который въ совокуп-

*) На это различіе между *шириною области дѣйствія* свободы и *степенями* ихъ энергіи просимъ читателя обратить особенное вниманіе.

ности съ мотивами, составляетъ уже ближайшую причину дѣйствій, то эта трансцендентальная свобода не можетъ уже, однажды опредѣливши характеръ, вмѣшиваться въ необходимый рядъ его проявленій. Всякое изъ ученій детерминизма или трансцендентальной свободы, забывающее эти условія, есть безсильная и невыполнимая на дѣлѣ попытка посредства.

V.

Какъ ни суммарно наше изложеніе двухъ завѣщанныхъ намъ исторіею вопроса о свободѣ воли типическихъ формъ его разрѣшенія,—ученія детерминизма и ученія трансцендентальной свободы, — изъ изложенія этого достаточно ясно однакоже, что оба ученія во 1-хъ) равно не достигаютъ своей *этической задачи*, и во 2-хъ) не представляютъ достаточнаго теоретическаго оправданія лежащихъ въ ихъ *основаніи* спекулятивныхъ понятій. Не разрѣшается ими, въ первомъ отношеніи, основная задача этики: — указать основаніе *внутренней* (не по внѣшнимъ, условнымъ соображеніямъ) *обязательности* нравственнаго закона и его *примѣнимости* къ судимымъ по этому закону дѣйствіямъ; не указаны въ нихъ *внутреннія основанія отвѣтственности* совершившаго дѣйствіе субъекта какъ по суду собственной совѣсти (раскаяніе) *), такъ и по

*) Хотя изъ факта раскаянія, сознанія своей отвѣтственности за поступокъ, многіе (между прочимъ и Шопенгауэръ) *выводятъ* самый фактъ сознанія человѣкомъ своей свободы, отрицая *непосредственность* послѣдняго факта.

суду общества, котораго онъ членъ, а въ этой задачѣ — *все* этическое значеніе вопроса о свободѣ воли! На неоправданномъ предположеніи покоится, съ другой стороны, и общее обоимъ ученіямъ признаніе безъизъятнаго господства въ той области, гдѣ совершается постановленіе рѣшеній воли, гдѣ происходитъ „борьба мотивовъ“ и т. под. (т. е. въ области личнаго сознанія, внутренняго опыта), — законовъ міра объектовъ, міра внѣшняго опыта и мышленія о нихъ, т. е. закона причины и закона достаточнаго основанія. Предположеніе это, обоими ученіями нетолько достаточно не оправданное, но даже и не подвергаемое обсужденію, могущему привести къ его обоснованію, состоитъ въ томъ, что для обоихъ ученій—въ мірѣ, куда принадлежатъ дѣянія воли, въ мірѣ опыта, нѣтъ ни воли, какъ дѣятельной силы, ни субъекта, какъ чего-то бо́льшаго, чѣмъ закономѣрно развившаяся совокупность опредѣленныхъ состояній. И воля, и дѣятельная сила, и субъектъ сводятся всецѣло на простую закономѣрную *смѣну состояній*, однихъ изъ другихъ точно вытекающихъ, однихъ другія строго продолжающихъ. Провѣркою этого основного предположенія, одинаково существенно опредѣляющаго направленіе мысли, и въ спекулятивной, и въ этической области, мы и закончимъ нашъ краткій очеркъ вопроса о свободѣ воли.

На *этомъ* предположеніи всецѣло держится убѣжденіе въ несомнѣнной законности приложенія къ жизни личнаго сознанія законовъ причинности и достаточнаго основанія. Это убѣжденіе выражается въ нашемъ вопросѣ требованіемъ указать для всякаго отдѣльнаго

акта воли точно-опредѣленную причину или точно-опредѣленное основаніе,—опредѣленное предшествующее ея *состояніе*, которымъ строго предрѣшается ея состояніе послѣдующее. Воля здѣсь очевидно сводится на *смѣну*, преобразованіе продолжающихъ одно другое состояній, лишаясь характера дѣятельной *силы* и отождествляясь съ *движеніемъ*.

Только къ послѣднему, т. е. къ смѣнѣ продолжающихъ одно другое, повторяющихъ въ разныхъ формахъ и комбинаціяхъ одно и то-же содержаніе, точно-опредѣленныхъ состояній—и приложимы понятія причины и достаточнаго основанія.

Что, въ самомъ дѣлѣ, дѣлаемъ мы, чего ищемъ и чего достигаемъ, когда указываемъ какому-нибудь явленію или событію міра его причину, какому-нибудь понятію или сужденію нашему его достаточное основаніе? Вездѣ и всегда мы только *разлагаемъ* цѣлостное, данное намъ во всей его опредѣленности явленіе, представленіе или сужденіе на его, опять совершенно точно-опредѣленные *элементы*, и затѣмъ изъ этихъ опредѣленныхъ элементовъ *слагаемъ*, возстановляемъ возбудившее вопросъ о своей причинѣ или своемъ основаніи цѣлое—будь это цѣлое явленіе, событіе внѣшняго міра, или наше собственное представленіе, понятіе и сужденіе. Это-то и значитъ: свести дѣйствіе на его причину, слѣдствіе на его основаніе, или вывести слѣдствіе изъ основанія, дѣйствіе изъ причины. *Цѣль* этого двойного процесса, разложенія цѣлаго на его составные элементы и затѣмъ обратнаго сложенія его, совершенно очевидна. Цѣль эта —показать, что въ *цѣломъ* (будь это

явленіе внѣшняго міра или наше понятіе), о которомъ поставленъ вопросъ (каковы его причины или основанія?) нѣтъ ничего случайнаго, необъясненнаго, нераціональнаго, *ибо въ немъ содержится только то, что дано уже въ его составныхъ элементахъ, ибо оно выражаетъ только точный результатъ сложенія, взаимодѣйствія этихъ опредѣленныхъ элементовъ, такъ-что когда даны послѣднія, то съ ними дана уже и необходимость цѣлаго.*

Въ этомъ и только въ этомъ указаніи совершеннаго *тождества* по содержанію — при различіи только въ *формѣ*, въ *терминахъ* — изслѣдуемаго явленія внѣшняго міра или оцѣниваемаго критически понятія, сужденія нашей мысли, съ тѣми элементами, изъ суммированія которыхъ то и другое сложились и изъ взаимодѣйствія которыхъ образовались явленіе и понятіе,—весь смыслъ *объясненія* явленій внѣшняго міра изъ причинъ, или оправданія одного понятія какъ *необходимаго слѣдствія* изъ другого, составляющаго его основаніе. Тамъ, гдѣ въ цѣломъ явленіи, послѣ всего процесса разложенія его на элементы и построенія изъ нихъ, остается нѣчто, несводимое на сложеніе и взаимодѣйствіе найденныхъ элементовъ, гдѣ цѣлое не есть точная сумма или произведеніе найденныхъ слагаемыхъ или множителей, т. е. своихъ элементовъ,—тамъ и цѣлое признается не объясненнымъ изъ причинъ. Тамъ, гдѣ заключеніе содержитъ въ себѣ нѣчто такое, что не дано ни въ посылкахъ, ни въ ихъ сопоставленіи, подводящемъ (черезъ посредство terminus medius) одну подъ другую, — тамъ и заключеніе признается лишеннымъ достаточнаго основанія.

Но очевидно, что для установленія такого, требуемаго задачею, тождества (по содержанію) цѣлаго съ производящими или слагающими его элементами предполагается *совершенно - точная, законченная и уже неизмѣняющаяся опредѣленность*—какъ самаго цѣлаго, такъ и слагающихъ его или производящихъ элементовъ. Изъ неопредѣленныхъ, текучихъ слагаемыхъ или множителей никогда не получится опредѣленной суммы или произведенія и наоборотъ, — какъ и изъ неопредѣленныхъ посылокъ не получится опредѣленнаго заключенія.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что наиболѣе точно смыслъ закона причинности выражается именно въ формѣ „закона сохраненія энергіи“, а законъ достаточнаго основанія является точнѣйшимъ выраженіемъ закона „тождества“ въ развивающейся мысли. Но съ другой стороны столь-же очевидно, что и законъ причинности и законъ достаточнаго основанія имѣютъ приложеніе только къ тому, что имѣетъ опредѣленность не текучую, не измѣнчивую, но *сохраняющуюся*, что они относятся къ опредѣленнымъ *состояніямъ*, лишь различно комбинирующимся и дающимъ въ этихъ комбинаціяхъ разнообразныя формы, термины (безъ измѣненія по существу), но не къ дѣятельности, *опредѣляющейся въ самомъ своемъ совершеніи*—не къ дѣятельной силѣ или волѣ. Въ основѣ того міра, въ которомъ безусловно оправдано приложеніе законовъ причинности и достаточнаго основанія, необходимо предполагается нѣчто неизмѣнное, существенно-*статическое*. Для міровоззрѣнія, признающаго безъизъятное господство за-

коновъ причинности и достаточнаго основанія, все *динамическое*, весь міръ измѣненій, движеній, представляетъ лишь задачу: свести его всецѣло на міръ статическаго, на міръ опредѣленныхъ *состояній* и ихъ разнообразныхъ комбинацій. Только о *смѣнѣ* и разнообразной *комбинаціи* равныхъ себѣ неизмѣнно состояній можетъ быть рѣчь въ этомъ мірѣ причинности и достаточнаго основанія, но не о волѣ, какъ дѣятельной силѣ, не о началѣ творческомъ, нѣчто полагающемъ. Послѣднія должны въ этомъ мірѣ или вовсе отрицаться (что чаще всего и дѣлается нынѣ),—или приводиться къ смѣнѣ и комбинаціи *состояній* (что, какъ увидимъ, невозможно); или-же приходится признать приложимость законовъ причинности и достаточнаго основанія не *всеобщею*, ограничить ее извѣстною областью (а именно—какъ будетъ видно—областью *объектовъ*, т. е. областью того, что есть не для себя, а для другого, дано не себѣ, но другому).

Объясненіе характера законовъ причинности и достаточнаго основанія, по самому существу своему отрицающаго *волю*, *дѣятельную силу*, *субъекта* и т. п., мы находимъ въ тѣхъ необходимыхъ *условіяхъ*, внѣ которыхъ оба эти закона оказываются ни для чего ненужными и невозможными.

Условіе приложенія понятія причинности въ изложенномъ нами смыслѣ (согласно которому одни состоянія являются лишь преобразованіемъ другихъ точно-опредѣленныхъ состояній, въ которомъ сохраняется тождественное по существу содержаніе) есть

та *форма пространства*, въ которой даны намъ всѣ объекты внѣшняго опыта. Будучи необходимою формою, въ которой вообще дается мысли міръ объектовъ и безъ которой объектъ, внѣшній предметъ, перестаетъ быть объектомъ,—пространство, это представленіе *возможности сосуществованія многихъ предметовъ одного внѣ другого*, налагаетъ свою печать на все наше мышленіе о мірѣ данныхъ въ немъ предметовъ, на всѣхъ ступеняхъ этого мышленія. Данные мышленію въ пространствѣ, т. е. со стороны *своей внѣшности* одни другимъ, своихъ внѣшнихъ отношеній,—предметы и познаются здѣсь только со стороны этихъ внѣшнихъ отношеній и только поскольку они опредѣляются этими внѣшними отношеніями сосуществованія, т. е. опредѣляются *отвнѣ*, другимъ и изъ другого, но не изъ своего внутренняго существа, въ формѣ пространства неуловимаго. Всѣ *измѣненія* въ этомъ мірѣ внѣшнихъ отношеній и опредѣленій отвнѣ сводятся только къ измѣненію относительныхъ положеній въ пространствѣ, производящихъ новыя группировки даннаго въ немъ и только пространственно-опредѣленнаго содержанія. *Массы и движенія* — дальше этого не можетъ идти мысль о предметахъ, которые даны ей въ формѣ пространства *). О волѣ, объ опредѣленіи изъ себя, самоопредѣленіи, также какъ и о ка-

*) При этомъ, благодаря закону обратнаго отношенія массъ и скоростей, возможно выраженіе массъ въ скоростяхъ (безконечно малая масса=безконечно большая скорость) и обратно (безконечно большая масса = безконечно малая скорость, отсутствіе движенія).

комъ-либо измѣненіи, которое представляло-бы что-либо иное, чѣмъ новую группировку остающагося неизмѣннымъ содержанія, эта мысль, оставаясь вѣрною своему исходному условію, ничего не знаетъ и не можетъ знать. Для нея нѣтъ ничего внутренняго, но все *внѣшнее* и отвнѣ опредѣленное. Въ этомъ чисто механическомъ взглядѣ на данный только въ пространствѣ міръ (т. е. міръ внѣшняго опыта), послѣдовательно развивающемъ и выражающемъ требованія формы пространства—несомнѣнна законность безъизъятнаго приложенія понятія *механической* причинности. Но столь-же несомнѣнно, что это понятіе является ничѣмъ не оправданнымъ, если оно приложено къ явленіямъ, даннымъ *не* въ формѣ пространства, не во внѣшнемъ, а во внутреннемъ опытѣ.

Условіе закона достаточнаго основанія, по которому мысль разлагаетъ на ихъ элементы и снова слагаетъ или построяетъ свои собственныя представленія, понятія, сужденія, есть очевидно *возможность и необходимость* такого разложенія и сложенія, построенія. То, что *не* могло-бы быть разложено и построено мыслію, но было-бы ей безусловно дано и *только дано*,—то ео ipso и стояло-бы внѣ приложенія къ нему закона достаточнаго основанія. Самые акты разложенія на элементы и построенія изъ нихъ понятій, сужденій и т. д. предпринимаются мыслію вовсе не для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что ей нѣчто *дано*, что то или другое для нея *есть*, но въ виду совершенно-спеціальной *логической* потребности:—дать себѣ *отчетъ* въ мыслимыхъ ею понятіяхъ, утверждаемыхъ ею сужденіяхъ. Логи-

ческое мышленіе и мышленіе отчетное—понятія совершенно совпадающія.

Основаніе этому въ томъ, что, для того, чтобы дать себѣ отчетъ въ своихъ представленіяхъ, привести ихъ въ порядокъ, осмыслить ихъ и т. под., сознанію—словами Лотце—нужно видѣть путь, которымъ предлежитъ имъ (представленіямъ) идти отъ одного къ другому (Лотце Микрокосмъ, Т. II стр. 267). Безъ знанія сознаніемъ этого пути представленій, послѣднія и не расположены для него въ порядкѣ (какъ основанія и слѣдствія напр.), но представляютъ темный хаосъ, и только даны ему, неизвѣстно какъ, т. е. почему и для чего, —безотчетны, не различены еще имъ какъ ложныя или истинныя, но всѣ въ равной степени случайны, ибо въ равной степени непосредственно *даны* сознанію. Общая формула раціональнаго доказательства слѣдующая: сдѣлай въ мысли то-то, соединяй такія-то представленія или понятія въ такомъ-то порядкѣ и такой-то послѣдовательности по такимъ-то нормамъ—и ты получишь такой-же результатъ, какой получаю и я, и всякій другой, кто такъ-же составитъ свои мысли и представленія, напр. также построитъ фигуру или число. Сила доказательства, основаніе его общегодности, такъ-же какъ и общегодности его результата, лежитъ въ общности всѣмъ людямъ способовъ и видовъ составленія сознаніемъ своихъ представленій; вслѣдствіе этого въ результатѣ однихъ и тѣхъ-же актовъ разлагающей, синтезирующей, построяющей мысли получаются одни результаты. Чѣмъ въ доказательствѣ менѣе элементовъ несоставленныхъ или несоставимыхъ (чисто положи-

тельныхъ, о которыхъ извѣстно только, что они *даны),* чѣмъ большее значеніе въ немъ имѣетъ сознательное *составленіе,* т. е. его процессы и формы, тѣмъ оно зовется раціональнѣе, полнѣе, — тѣмъ оно общегоднѣе. Самое представленіе, сознательно составленное нами, уже не безотчетное представленіе, не такое, о которомъ мы не знаемъ, принять-ли его, и на какихъ основаніяхъ, или-же отвергнуть, —но отчетное, которое мы знаемъ уже не какъ просто данное намъ, неизвѣстно откуда и почему, но и по его основаніямъ. Это дается именно тѣмъ, что мы знаемъ, какъ составили его, т. е. что акты составленія были сознательны.

Такимъ образомъ въ области логическаго, *построяющаго,* отчетнаго мышленія безъизъятное господство закона достаточнаго основанія столь-же необходимо и законно, какъ господство механической причинности въ области пространства, т. е. внѣшняго опыта. Но очевидно, что приложенію этого закона *нѣтъ мѣста* тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не о сложеніи и разложеніи данныхъ и ихъ элементовъ, а о томъ, *дано-ли, есть-ли* нѣчто какъ фактъ или нѣтъ, гдѣ рѣчь идетъ не объ *условіяхъ* бытія, но о бытіи*). Примѣняясь къ способу выраженія Шеллингіанцевъ, скажемъ, что мышленіе по закону достаточнаго основанія (ratiocinium) установляетъ для мысли лишь das Nicht-nichtseinkönnende,—nicht das Seiende. Но нашъ вопросъ есть именно вопросъ о самомъ *бытіи* воли,—вопросъ: *есть-ли* вообще воля, дѣятельная сила, субъектъ, или ихъ нѣтъ? Въ рѣшеніи *этого* вопроса

*) Т. е. не o„cognitio circa rem", но o„cognitio rei".

закономъ достаточнаго основанія ничего нельзя ни утвердить, ни опровергнуть.

Итакъ—передъ нами вопросъ о *фактѣ*: дѣйствительно-ли *есть* то, что мы называемъ „волей“, „дѣятельной силой“, „субъектомъ“, или все это только вспомогательныя *построенія* мысли, вызванныя только вѣчною неполнотою ея знаній и становящіяся недоразумѣніями, когда мы имъ приписываемъ реальность?

Не только спеціально въ различныхъ ученіяхъ о свободѣ воли, но и вообще во всей психологіи новаго времени—съ Декарта и до половины нашего вѣка—*волѣ* придавалось значеніе *производной* изъ другихъ душевныхъ состояній (гл. обр. представленій) формѣ душевной жизни, а ученію о ней отводилось второстепенное и ничтожное мѣсто сравнительно съ ученіемъ о познавательныхъ формахъ (интеллектѣ). Какъ результатъ взаимодѣйствія опредѣленныхъ представленій, понятій, мотивовъ, какъ равнодѣйствующая ихъ борьбы, воля понималась здѣсь лишь какъ начало *реализаціи*, выраженія во-внѣ (въ дѣйствіи, движеніи) *идеальнаго содержанія* лежащихъ въ ея основѣ душевныхъ состояній. Такою она была еще у Спинозы (для котораго нѣтъ воли, а существуетъ лишь реализующая содержаніе интеллекта мощь); такою-же осталась и въ психологическомъ ученіи Гербарта и въ метафизикѣ Гартманна. *Сила*, которая приписывается такой только реализующей содержаніе чувственныхъ и умственныхъ состояній интеллекта, производной волѣ, очевидно можетъ быть только производною силой, только — *сообщенной* ей отъ тѣхъ душевныхъ состояній, которыя черезъ

нее реализуются, равнодѣйствующую которыхъ она выражаетъ. Сила принадлежитъ здѣсь собственно тѣмъ ощущеніямъ, представленіямъ, мотивамъ, взаимодѣйствіе которыхъ реализуется и выражается волею. Это ученіе о представленіяхъ, мотивахъ, идеяхъ, какъ опредѣленныхъ—и количественно и по направленію—*силахъ*, энергіяхъ, нашедшее свое послѣдовательнѣйше выраженіе въ ученіи Гербарта, отголосокъ свой имѣло недавно и въ ученіи юриста Фулье объ ideés forces*). Только на этомъ-же понятіи о представленіяхъ, состояніяхъ сознанія какъ о механически-опредѣленныхъ силахъ, — эквивалентомъ борьбы которыхъ является воля, — и держится съ успѣхомъ отрицающая дѣйствительность воли *ассоціаціонная* психологія.

Но едва-ли можно оставаться при этомъ старомъ понятіи въ настоящее время. Всѣ успѣхи новой психологіи за послѣднюю четверть вѣка неизбѣжно приводятъ къ убѣжденію, что отношеніе между жизнью интеллекта и жизнью воли совсѣмъ иное,—что на самомъ дѣлѣ не состоянія ощущенія, представленія, ихъ ассоціацій и т. п., своимъ механическимъ взаимодѣйствіемъ *слагаютъ* волю, но что дѣятельное начало, воля, лежитъ на оборотъ *въ основѣ* всѣхъ этихъ состояній интеллекта, отъ самыхъ эле-

*) Сущность этого ученія въ томъ, что если-бы дѣйствительно и не было никакой свободной воли, то сложившись однажды въ сознаніи, какъ опредѣленная и весьма большая психическая *сила, идея свободной воли* получила-бы рѣшающее значеніе въ механизмѣ жизни представленій, мотивовъ, т. е. сдѣлала-бы человѣка, ею обладающаго, дѣйствительно свободнымъ.

ментарныхъ, до самыхъ высшихъ и сложныхъ. И самое простѣйшее ощущеніе, какъ и самая высокая идея, — какъ убѣждаютъ насъ всѣ новыя психологическія изслѣдованія, — возможны только какъ результаты нѣкоторой, болѣе или менѣе сложной *дѣятельности*, стоящей опредѣленныхъ *усилій*, осуществляемой при посредствѣ дѣятельныхъ *движеній* (о которыхъ даютъ намъ знать мышечныя и иннерваціонныя чувства, столь недавно обратившія на себя серьезное вниманіе изслѣдователей) и напряженій *вниманія*. Не желая повторяться, приводя здѣсь вновь подтвержденія этому для меня несомнѣнному положенію, къ которому я много разъ уже и въ нѣсколькихъ монографіяхъ *) возвращался, ограничусь лишь простою ссылкою на превосходно проводящую это положеніе о *первичномъ* въ душевной жизни значеніи дѣятельнаго начала, воли, черезъ всю науку о душѣ—«Психологію» М. И. Владиславлева**) и на I-й томъ Горвица „Psychologische Analysen auf phys. Grundlage***). Съ этой точки зрѣнія нетолько „воля“ не производится отъ механической игры представленій и чувствъ, но наоборотъ—вся жизнь интеллекта и чувства ставится въ зависимость отъ жизни дѣятельной воли, является ея продуктомъ. Съ

---

*) Спеціально во II-й гл. „Чувство, какъ нравственное начало М. 1886. Ср. также „Понятіе психическаго ритма“ 1882 г., „Смыслъ исторіи etc“. и „Симптомы и причины“ 1885 г.

**) Особенно въ послѣднихъ главахъ второго тома, требующихъ полной переработки ученія о мотиваціи.

***) Основное положеніе его: keine Empfindung (что можно разумѣть и о всѣхъ интеллектуальныхъ формахъ) ohne Bewegung.

этой точки зрѣнія не ощущенія, представленія и чувствованія *какъ причины опредѣляютъ* волю, но дѣятельная воля *опредѣляетъ себя* соотвѣтствующими ея дѣятельностямъ ощущеніями, представленіями и чувствованіями. Самое сознаніе — эта общая форма психической жизни — и зарождается только въ дѣятельномъ, стбящемъ *усилія* движеніи и только путемъ тѣхъ-же дѣятельныхъ усилій и продолжается и развивается. Въ нихъ — вся его *жизнь* и, отнявъ у сознанія его существенно-дѣятельный характеръ, мы тѣмъ самымъ вовсе уничтожаемъ сознаніе. Не состоянія интеллекта и чувствованія живутъ въ душѣ и какъ причины опредѣляютъ ея существо—волю, но душа живетъ въ нихъ, *воля ими себя опредѣляетъ*.

Господство стараго, все рѣшительнѣе устраняемаго изложенными сейчасъ соображеніями понятія о волѣ, какъ производномъ только, реализующемъ *готовое* идеальное содержаніе представленій и мотивовъ (а не *ставящемъ* его) факторѣ душевной жизни, породило и одно безъ счету повторяемое, на всѣ лады разнообразящееся разсужденіе. Оно встрѣчается нами у тѣхъ изъ принимавшихъ участіе въ спорѣ о свободѣ воли, кто, удерживая, по этическимъ мотивамъ, *постулатъ* свободной воли, не имѣли достаточно смѣлости провѣрить основанія своего спекулятивнаго міровоззрѣнія, въ сущности отрицавшаго самую волю. Я говорю объ извѣстномъ отождествленіи нравственной *свободы* человѣка съ его *разумностью*, выражаемомъ въ формулѣ: свободенъ тотъ, кто дѣйствуетъ согласно разуму, по мотивамъ разума (общимъ, неизмѣннымъ и т. п.). Положеніе тѣхъ, кто *этимъ* ну-

темъ думаетъ рѣшить вопросъ о свободѣ воли, таково: „вопросъ о свободѣ воли сводится къ вопросу о положеніи разума среди другихъ мотивовъ дѣйствій, причемъ подъ разумомъ понимается способность относиться критически къ своимъ намѣреніямъ и поступкамъ“ *). Едва-ли въ исторіи нашего вопроса какой-либо другой тезисъ былъ настолько безплоденъ и даже вреденъ для дѣйствительнаго рѣшенія вопроса, *устраняя* его и замѣняя мнимымъ, какъ этотъ. Не говоримъ уже о томъ, что ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что высокая *разумность* человѣка совмѣстима и съ величайшею нравственною силою и съ глубокимъ нравственнымъ паденіемъ, и одинаково можетъ принадлежать и генію добродѣтели, и закоренѣлому злодѣю, и мелкому мошеннику, и крупному гешефтмахеру или карьеристу. Важнѣе для насъ то обстоятельство, что этимъ положеніемъ отнюдь не разрѣшается вопросъ, но снова ставится, только въ новой, болѣе замаскированной формѣ. Самъ разумъ, въ согласіи съ которымъ полагается свобода человѣка, есть-ли *данная* человѣку опредѣленная совокупность *опредѣленныхъ* идей, правилъ, стремленій, съ опредѣленною силой механически вступающая во взаимодѣйствіе другихъ его данныхъ мотивовъ и уступающая имъ тамъ, гдѣ они сильнѣе, побѣждающая ихъ тамъ, гдѣ они слабѣе? Если да, то никакого участія *воли* въ этой механической борьбѣ нѣтъ, воля-же выражаетъ только результатъ этой борьбы, т. е. *несвободна*, и

*) Выражаемъ это положеніе словами одного изъ тезисовъ реферата Н. А. Звѣрева „Къ вопросу о свободѣ воли“.

свобода воли этимъ положеніемъ отрицается. Если-же разумъ есть не *совокупность* данныхъ, опредѣленныхъ идей, правилъ и т. п., но *способность* критически относиться къ идеямъ и мотивамъ вообще, то затрудненія еще возрастаютъ. Во 1-хъ) *способность* не можетъ быть *мотивомъ*, такъ какъ мотивъ долженъ быть *опредѣленъ* совершенно точно,—способность-же есть только возможность опредѣлиться въ извѣстномъ направленіи. Во 2-хъ) разумъ, какъ критическая способность, останавливаясь на томъ или другомъ рѣшеніи, выбирая тотъ или другой изъ данныхъ мотивовъ, опредѣляется-ли къ этому выбору самимъ этимъ даннымъ мотивомъ, *его собственною* силою и убѣдительностью? или разумъ ему *отъ себя* придаетъ эту силу и убѣдительность? Вопросъ, иначе, въ томъ: свободенъ или несвободенъ самый разумъ? есть-ли онъ выраженіе направляющей его „критическую“ работу дѣятельной воли, или-же—выраженіе относительной силы и убѣдительности данныхъ съ готовою опредѣленностью состояній мысли, — мотивовъ? Во второмъ случаѣ разумъ очевидно несвободенъ, въ первомъ-же свобода принадлежитъ не ему, а руководящей имъ *волѣ*, которая можетъ направить разумъ и весьма неразумно! Вопросъ такимъ образомъ и здѣсь сводится на признаніе или непризнаніе самой воли, какъ дѣятельной силы, опредѣляющей себя соотвѣтствующими ея дѣятельности состояніями представленія и чувства.

Не помогаютъ задачѣ упраздненія этого вопроса о дѣятельной волѣ, какъ *субъектѣ* сознательной, душевной жизни, и всѣ попытки представить себѣ субъектъ, какъ простую *совокупность* опредѣленныхъ *состояній*,

выражающуюся въ опредѣленномъ *характерѣ*, который затѣмъ механически проявляется такими или иными поступками, вступая, какъ опредѣленная причина, во взаимодѣйствіе съ привходящими опредѣленными вліяніями. Ни „субъектъ“, ни „характеръ“ не имѣютъ, ни въ идеѣ, ни въ опытѣ, той полной опредѣленности, которая должна-бы принадлежать „совокупности“ опредѣленныхъ состояній. Какъ возможность *безконечнаго* ряда разнообразныхъ проявленій подъ различными условіями, субъектъ относительно каждаго изъ нихъ въ отдѣльности и относительно какого-угодно эмпирическаго ряда ихъ есть нѣчто *всеобщее*, *неопредѣленное*; а „причиною“ въ механическомъ смыслѣ этого слова, или „достаточнымъ основаніемъ“ можетъ быть, какъ мы видѣли, только нѣчто уже по себѣ *совершенно и точно опредѣленное**). Слѣдовательно субъектъ есть субъектъ, т. е. дѣятель, а не *механическая причина* и не *достаточное основаніе* своихъ дѣйствій. Не имѣетъ требуемой для приложенія этихъ понятій точной, совершенной опредѣленности и *характеръ*. Только въ плохихъ романахъ дѣйствующія лица бываютъ чистыми героями добродѣтели или закоренѣлыми злодѣями, безукоризненными мудрецами или стихійными сензитивами. Въ дѣйствительности-же въ каждомъ изъ насъ живутъ и выступаютъ въ разные моменты наружу, нѣсколько характеровъ, и добрыхъ, и злыхъ, заставляющихъ мудреца порою дѣлать глупости, а злодѣя

---

*) Малѣйшая *неопредѣленность* причины или основанія лишаетъ ихъ уже значенія *достаточнаго* основанія и вѣрной закону *сохраненія энергіи* причины.

совершать подвиги великодушія *). Нашъ субъектъ, въ своей *возможности* (какъ субъектъ) шире всѣхъ своихъ дѣйствительныхъ проявленій, и его обособленіе въ опредѣленный образъ, характеръ его проявленія, можетъ осуществиться лишь какъ дѣло его внутренней, дѣятельно себя опредѣляющей *силы;* самъ-же по себѣ характеръ ни въ „причины", ни въ „достаточныя основанія", по своей неопредѣленности, не годится. Наконецъ и, какъ справедливо замѣтилъ въ своемъ прекрасномъ рефератѣ „о свободѣ воли" Л. М. Лопатинъ, всѣ тѣ „причины", которыя дѣйствуютъ въ психической сферѣ, въ области сознанія, т. е. всѣ *состоянія* сознанія, каковы—представленія, идеи, мотивы и т. д., отличаются отъ причинъ въ физическомъ мірѣ, мірѣ механической причинности, сравнительной *неопредѣленностью* своего дѣйствія. Но тогда, и идеи, и представленія, и мотивы *сами-по-себѣ* и не суть ни причины, ни достаточныя основанія, изъ себя опредѣляющія сознаніе, соотвѣтственно *собственной* своей силѣ,—но *дѣятельное сознаніе* само придаетъ имъ значеніе своихъ мотивовъ, достаточныхъ основаній, причинъ,—даетъ имъ ту опредѣленность, какой они сами по себѣ, какъ *состоянія* его, еще не имѣютъ. Не пустымъ мѣстомъ игры представленій, мотивовъ, чувствъ,

*) Въ этомъ отношеніи особенно далеко расходится съ опытомъ ученіе Шопенгауэра о *неизмѣнности* характера, связанное съ положеніями, что дѣйствіе, поступокъ есть *несомнѣнный* признакъ того или другого характера, что „кто разъ укралъ—на вѣки воръ", что всякое *исправленіе* касается не характера, *воли*, но лишь головы, *ума* и т. п. Ученіе это, не только не оправдывается психологически, но и въ высшей степени негуманно!

не бездѣятельнымъ зрителемъ ея является сознаніе, но дѣятельною силой, субъектомъ, опредѣляющимъ себя представленіями и чувствами *). Не душевныя состоянія живутъ и движутся въ душѣ нашей, но душа наша живетъ, напрягается и работаетъ въ нихъ **).

Но гдѣ-же, наконецъ, и въ какой формѣ *дана* намъ та дѣятельная сила, воля, на дѣйствительность и необходимость которой мы имѣемъ уже столько указаній?

Искать той формы, въ которой намъ дана дѣятельная сила, воля, возможно, послѣ всего сказаннаго, очевидно только въ области внутренняго опыта, самосознанія, ибо въ сознаніи о внѣшнемъ мірѣ объектовъ ничего кромѣ смѣны состояній, движеній и ихъ комбинацій мы не найдемъ. Шопенгауэръ въ своемъ знаменитомъ трактатѣ „о свободѣ воли“ (d. b. Grpr. d. Ethik), обращаясь къ самосознанію, въ немъ находитъ *волю*, но

---

*) Много превосходнаго относительно понятій сознанія, дѣятельной силы и причинности читатель найдетъ въ книгѣ американца Hazard'a „Zwei Briefe an J. St. Mill. über Verursachung und Willensfreiheit“.

**) Наши представленія и понятія уже потому не годятся въ „причины“ и „достаточныя“ сами по себѣ основанія, что никогда не представляютъ *опредѣленной величины*, единицы, и это явствуетъ изъ измѣняемости ихъ содержанія. Понятіе или представленіе для мысли опредѣлены не *разъ навсегда* даннымъ *неизмѣнно* количествомъ признаковъ (содержаніемъ), но представляются и мыслятся то съ большимъ, то съ меньшимъ ихъ числомъ, то съ болѣе раздѣльнымъ, то съ болѣе слитнымъ содержаніемъ, смотря какъ по цѣлямъ самой мысли, такъ и по другимъ наличнымъ условіямъ дѣятельности сознанія.

не находитъ ея *свободы* на томъ основаніи, что будто-бы въ самосознаніи мы находимъ только *отдѣльныя хотѣнія* и субъектъ себя узнаетъ только *какъ хотящаго того или другого* (l. c. p. 11). А такъ какъ его *я* такимъ образомъ совпадаетъ съ его хотѣніемъ, то и получается у него положеніе „я хочу, потому что я хочу“, которое очевидно есть тождесловіе, но не искомое представленіе свободы. Слѣдовательно воля для Шопенгауэра познается самосознаніемъ только въ своихъ опредѣленныхъ хотѣніяхъ, *только какъ хотящая*. Съ такимъ представленіемъ воли, какъ она дана самосознанію, внутреннему опыту, едвали согласится хотя одинъ изъ обращавшихся къ внутреннему опыту психологовъ. Въ томъ представленіи о волѣ, которое дается намъ внутреннимъ опытомъ, моментъ *хотѣнія* того или другого предмета гораздо менѣе существененъ, чѣмъ моментъ *усилія*, Шопенгауэромъ пропущенный. Обратившійся къ внутреннему опыту изслѣдователь не можетъ игнорировать находимаго въ немъ *усилія* уже потому, что оно не только составляетъ совершенно специфическое данное исключительно внутренняго опыта (объективный міръ не даетъ ничего подобнаго), но и *непремѣнную* составную часть акта самого внутренняго опыта, сознанія какъ такого *). Не только метафизики, какъ Мэнъ-де-Биранъ или психологи, какъ Булье, но даже психофизіологи нашего

*) Оно даетъ так. обр. отвѣтъ на то обычное возраженіе (напр. у Lange въ Gesch. d. Mat.) противъ внутренняго опыта, что его нельзя *отграничить* отъ опыта внѣшняго, но что оба вездѣ сливаются.

времени считаютъ необходимымъ ввести въ анализъ и опредѣленіе *сознанія* чувство усилія, такъ что тамъ гдѣ нѣтъ усилія—нѣтъ и самаго сознанія. Такъ поступаетъ напр. и Ch. Richet, утверждающій, что la sensibilité et le mouvement volontaire coïncident avec la conscience (Essai de psych. générale p. 120). Иначе и не можетъ быть съ нашей точки зрѣнія, признающей сознаніе по существу дѣятельнымъ, выражающимъ волевое начало.

Въ этомъ необходимо данномъ внутреннему опыту (ибо представляющемъ его составную часть) чувствѣ *усилія* мы и видимъ основную форму дѣятельной силы, воли,—форму, безъ которой нѣтъ не только внутренняго опыта, сознанія вообще и сознанія себя свободнымъ и дѣятельнымъ въ особенности,—но и возможности произвольныхъ, т. е. *регулируемыхъ живымъ существомъ движеній*, а слѣдовательно нѣтъ и самой жизни.

Психофизіологи, придерживающіеся въ вопросѣ объ отношеніи душевной жизни къ физіологическимъ процессамъ въ организмѣ извѣстной теоріи „двухъ точекъ зрѣнія на одинъ предметъ“, а въ сущности—стараго матерьялизма, признаютъ значеніе *реальныхъ* дѣятелей въ жизненныхъ процессахъ исключительно за физіологическими процессами, а въ *сознаніи* видятъ только отраженіе этихъ процессовъ во внутренней точкѣ зрѣнія, т. е. только ничего не привносящій въ нихъ *отъ себя эпифеноменъ* ихъ, явленіе явленія, фосфоресценцію и т. п. Понятно, что и сознаваемое живымъ существомъ, пока оно живо, усиліе они пытаются лишить значенія реальнаго дѣятеля въ жизненныхъ процессахъ и свести его на простое отраженіе въ психической формѣ чисто-фи-

зіологическаго процесса. Такъ напр. и въ напечатанныхъ особо тезисахъ о свободѣ воли А. А. Токарскаго мы читаемъ: „воля, являясь только субъективной стороной явленія, представляетъ собою психическій эквивалентъ физіологическаго процесса; это есть ощущеніе дѣйствія, но не часть и не причина его (т. 9), откуда слѣдуетъ, что воля не только не свободный дѣятель, но и не дѣятель вообще (т. 18)".

Едва-ли можно признать удачной эту послѣднюю попытку устранить вопросъ о волѣ, какъ дѣятелѣ, сводя ее на какое-то проблематическое „ощущеніе" уже совершившагося помимо ея вмѣшательства физіологическаго дѣйствія, движенія*). Такое сознаніе совершившагося движенія было-бы вопервыхъ обыкновеннымъ сознаніемъ *смѣны* двухъ послѣдовательныхъ состояній, но вовсе не тѣмъ совершенно специфическимъ чувствомъ *усилія*, которое не только такъ хорошо извѣстно намъ и въ формѣ иннерваціонныхъ напряженій и въ формѣ напряженій вниманія, но и *не можетъ* быть намъ неизвѣстно, ибо въ немъ и коренное условіе и коренной признакъ всякой жизни вообще,—самое существо ея. Не замѣняетъ чувства дѣятельнаго усилія простое *бездѣятельное сознаніе* совершившейся смѣны двухъ послѣдовательныхъ состояній—во-вторыхъ—потому, что послѣднее-же можетъ сопровождать и *автома-*

*) Терминъ „ощущеніе" здѣсь очевидно употребленъ не въ точномъ смыслѣ, а долженъ обозначать лишь какое-то сознаніе физіологическаго процесса вообще.

тическія, механическія движенія. Оно не можетъ *регулировать* тѣ движенія, которыя называются „произвольными“ и составляютъ признакъ всякой жизни и conditionem sine-qua non всякаго *приспособленія* организма къ средѣ. Если нѣтъ этого приспособленія и жизни безъ произвольныхъ, т. е. регулируемыхъ изъ самого живого существа движеній, — то нѣтъ ихъ и безъ того необходимаго условія такого регулированія, которое состоитъ въ дѣятельномъ *направленіи* и *умѣреніи* движеній въ самое время ихъ совершенія. Для этого-же нужно то сознаніе дѣятельнаго направленія и умѣренія совершаемыхъ и имѣющихъ совершиться движеній, которое именно и дано въ *чувствѣ усилія*, а отнюдь не въ бездѣятельномъ сознаніи совершившихся уже измѣненій, движеній. И напрасны были-бы опасенія, что признаніе такого дѣятельнаго вмѣшательства психическаго агента (усилія, воли) въ физіологическіе процессы грозило-бы нарушеніемъ *закономѣрности* послѣднихъ, т. е. въ сущности—закона сохраненія энергіи, причинной связи въ сферѣ послѣднихъ. Вѣдь регулирующее, направляющее органическія движенія усиліе *не создаетъ* въ организмѣ ни новыхъ массъ, ни новыхъ энергій; оно только въ тѣхъ массахъ и энергіяхъ, которыя уже *даны* въ организмѣ, переводитъ живыя энергіи въ напряженныя и обратно, играя роль въ родѣ той, какая принадлежитъ собачкѣ у заряженнаго ружья. Законъ сохраненія энергіи этимъ нисколько не нарушается, и въ то-же время это понятіе усилія можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ и на тѣ органическіе процессы, которыхъ сведеніе къ чисто механическимъ и химиче-

скимъ процессамъ всегда было и будетъ и натянутымъ и оставляющимъ свой предметъ въ загадочномъ полусвѣтѣ *).

Нисколько не противорѣча *законнымъ* притязаніямъ физіологіи, это опирающееся на несомнѣнныя данныя внутренняго опыта понятіе усилія должно сослужить не малую службу какъ въ метафизикѣ и въ психологіи вообще, такъ и въ нашемъ вопросѣ — въ особенности. Если можетъ быть вообще рѣчь объ искомой *дѣятельной силѣ*, *волѣ*—то единственно на основаніи этого даннаго внутреннему опыту и составляющаго его существо усилія. Только въ немъ и черезъ него дана намъ воля, и дана, какъ несомнѣнный и всеобщій *фактъ*, съ которымъ мысли приходится считаться, а не какъ спорный этическій *постулатъ* или требованіе теоріи вмѣненія, въ каковыя воля обращается въ рукахъ большинства юристовъ и моралистовъ. Но въ немъ-же данъ намъ и типъ *самоопредѣленія*, т. е. такого дѣйствія, которое не подлежитъ ни закону механической причинности, ни закону достаточнаго основанія. Усиліе, — пока оно остается усиліемъ, — утверждается не *опредѣленнымъ* своимъ, даннымъ уже неотмѣнно состояніемъ, но тѣмъ состояніемъ, которое *вызвано* его-же собственнымъ актомъ. Энергія его и направленіе опредѣлены поэтому

---

*) Признаніе этой роли „усилія“ въ жизненныхъ процессахъ подтверждаетъ законность въ физіологіи тѣхъ *телеологическихъ* категорій, или точекъ зрѣнія, которыя въ общихъ чертахъ прекрасно указаны Н. Н. Страховымъ въ его сочиненіи „объ основныхъ понятіяхъ психологіи и физіологіи“ 1886 г. СПБ.

для него не *ранѣе* этого акта, но тѣмъ состояніемъ, которое этотъ актъ самъ производитъ: законъ сохраненія энергіи здѣсь приложенія не имѣетъ и актъ усилія не *опредѣленъ* своими данными состояніями, но *опредѣляетъ себя* ставимыми имъ самимъ состояніями, *регулируетъ себя* въ самомъ своемъ совершеніи. Наконецъ,— если сознаніе невозможно безъ усилія, то и усиліе невозможно безъ хотя-бы самаго смутнаго сознанія: оно опредѣляетъ себя своими, своей-же дѣятельностью поставленными *сознательными* состояніями (будь это простѣйшія ощущенія и чувства боли на низшей ступени жизни, или мотивы и принципы развитого человѣка). Въ немъ, поэтому,—въ его необходимой данности во всякомъ актѣ внутренняго опыта, заключается и послѣднее, *не измышленное* основаніе сознанія всего человѣчества *себя свободнымъ*, присущаго ему вѣчно въ *практической* его дѣятельности и которое напрасно многіе изслѣдователи (напр. и Шопенгауэръ) представляютъ только логическимъ *заключеніемъ* изъ факта сознанія своей отвѣтственности.

Такимъ образомъ *усиліе*, не подчиненное законамъ механической причинности и достаточнаго основанія, представляетъ намъ типъ Аристотелевыхъ „энергіи“ и „энтелехіи“, — *телеологическое* начало жизни сознанія. Оно — настоящій представитель той опредѣляющей себя по цѣлямъ *конечной причины*, о которой сказано, что causa finalis movet non secundum suum esse reale sed secundum suum esse cognitum. И если человѣкъ дѣйствительно носитъ въ себѣ, пока онъ живетъ и мыслитъ, эту конечную, самоопредѣляющуюся при-

чину, то онъ дѣйствительно свободенъ, *сознавая* себя свободнымъ. И лучшимъ заключеніемъ для этого отрывка „о свободѣ воли“ можетъ-быть знаменитое слово Гегеля:

Не цѣпи дѣлаютъ раба, но рабское сознаніе.

Академия наук СССР
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
28.4.76

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

„Новаго Времени“ (А. С. Суворина), А. А. Карцева, М. О. Вольфа, Н. П. Карбасникова, А. Л. Васильева, В. Готье, А. Ланга и И. И. Глазунова продаются:

ТРУДЫ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА:

Выпускъ I. Артуръ Шопенгауеръ. Очерки его жизни и ученія (по поводу столѣтней годовщины его рожденія). Съ портретомъ Шопенгауера. Статьи: В. И. Штейна
В. П. Преобр
о Шопенгауер

Выпускъ II. Им
кой будущей
смыслѣ наук
Съ предис
перевода
Фишера—

Выпускъ III.
рѣшенія в
гическомъ
томъ, Н.
женія С.
и статья

Е
о свободе воли. М.,
к. психол.о-ва.

00567
77
12

ТОГО-ЖЕ АВТОРА.

Монизмъ или Дуализмъ? Ярославль. 1873 г. ц. 75 коп.

Психическій міръ женщины, съ приложеніемъ статьи «понятіе психическаго ритма». Москва. 1882 г. цѣна 1 р. 50 коп.

Смыслъ исторіи и идеалы прогресса. 2-е изд. М. 1886 г. ц. 60 коп.

Симптомы и причины современнаго настроенія, (наше техническое богатство и наша духовная нищета). М. 1885 г. ц. 70 коп.

Страданіе и наслажденіе жизни. Вып. 1-й. СПБ. 1885 г. ц. 50 коп.

Чувство, какъ нравственное начало. М. 1886 г. ц. 75 коп.

Старое недоразумѣніе (къ вопросу о тенденціозности въ искусствѣ). 1888 г. М. ц. 20 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Чувство красоты съ психологической точки зрѣнія.